

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и .

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

Богданов А.А.

Жизнь и психика (Эмпириомонизм в учении о жизни).

Вопросы философии и психологии. М., 1903.

№ 4 (69). С. 682-708;

№ 5 (70). С. 822-866

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и н^о.
Цименовская ул., соб. домъ,

1903.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и .

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIV.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкою и Л. М. Лопатина.

Книга IV (69).

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 1903 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №,
Цименовская ул., соб. домъ,
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія Ницше. XVII—XXV. (Окончаніе.) Кн. Евгенія Трубецкого	329
Теорія эмоцій Джемса-Ланге. Н. Д. Виноградова	379
Научное міровоззрѣніе и философія. Л. Лопатина	404
—	
Болѣзнь Н. В. Гоголя. В. Ф. Чижа . (Продолженіе.)	647
Жизнь и психика. (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни.) I—V. А. Богданова	682
Очерки философіи естествознанія. Законы природы и законы общества. А. Щукарева	709

Критика и библіографія.

I. Обзоръ книгъ.

- А. Роджерсъ**. «Краткое введеніе въ исторію новой философіи». Переводъ С. С. Зелинского, подъ редакціей Ю. И. Айхенвальда. М. 1903. XX + 224 стр.
Ц. 1 р. **Г. Шпетта** 728
- „Образовательная библіотека“. **Г. Ф. Липпесъ**. Основы психофизики. Пер. Г. Котляра. Спб. 1903. 110 стр.
Ц. 40 к. **Г. Шпетта** 732
- Давидъ Юмъ**. Изслѣдованіе челоѣческаго разумѣнія. (An inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902. **Н. Виноградова** 733

L'année psychologique , publiée par Alfred Binet avec collaboration de H. Beaunis, V. Henri, Th. Ribot. Secrétaire de la Rédaction: Larguier des Bangels. Huitième année. Paris, 1902. Н. Виноградова	735
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Rivista filosofica . Май—декабрь 1902 г. Н. К. Вальденбергъ	742
Archiv für systematische Philosophie . Band VIII. Heft 2. А. Б.	747
Психологическое Общество . (Отчеты о засѣданіяхъ.) . .	752
Полемика.	
Возраженіе П. А. Некрасову. В. Гольцева	754
Отвѣтъ г. Каплану. (По поводу статьи г. Каплана «Плюшкинъ и Старосвѣтскіе помѣщики».) В. Ф. Чижа . . .	755
Объявленія.	

Жизнь и психика.

(Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни.)

А. Область переживаній.

I.

Потокъ переживаній, образующій то, что мы называемъ психической жизнью, не во всѣхъ своихъ моментахъ является настоящимъ объектомъ познанія, пригоднымъ его матеріаломъ: онъ становится такимъ объектомъ или матеріаломъ только тамъ, гдѣ выступаетъ въ болѣе или менѣе организованномъ видѣ, въ формѣ *опыта*. Даже въ предѣлахъ непосредственнаго опыта есть много неясныхъ, смутныхъ переживаній, которыя исчезаютъ, едва возникши въ полѣ психики, которыя такъ неопредѣленны и кратковременны, что ускользаютъ отъ познанія, *почти* не существуютъ для него. Но остается еще вопросъ въ томъ, что лежитъ за предѣлами *непосредственнаго* психическаго опыта, хотя не за предѣлами возможнаго опыта вообще.

Существуютъ ли достаточныя основанія, чтобы отрицать психическую жизнь въ утробномъ младенцѣ, въ человѣкѣ, спящемъ глубокимъ сномъ безъ остающихся въ памяти сновидѣній? — Все наше познаніе чѣмъ дальше, тѣмъ въ болѣе мѣрѣ проникается идеей *непрерывности*, чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе способно мириться съ какимъ бы то ни было отклоненіемъ отъ этой идеи, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлаетъ ее своей всеобщей предпосылкой. Между тѣмъ идеѣ этой безусловно противорѣчитъ представленіе о томъ, что психическая жизнь возникаетъ изъ ничего, какъ прибавочный феноменъ непрерывно развивающейся жизни физиологической, и на нѣсколько часовъ можетъ совершенно прекращаться, чтобы вновь воскресать изъ

психического «ничто» въ моментъ пробужденія.—Однако ни утробная жизнь, ни сонъ безъ сновидѣній не даютъ намъ непосредственнаго психического опыта, а потому лишь косвенно могутъ служить матеріаломъ для психологическаго познанія. Это—темный хаосъ переживаній, въ которомъ нѣтъ «души», нѣтъ организованнаго единства, характеризующаго міръ опыта.

Психическій міръ ребенка первыхъ лѣтъ жизни, а также міръ сновидѣній и бреда представляютъ рядъ промежуточныхъ проявленій жизни, пограничную область психического хаоса и психического опыта. Здѣсь есть организованность, но только отрывочная: колеблющіеся образы, неустойчивыя сочетанія,—зарожденіе порядка среди безформеннаго матеріала жизни, и вторженіе безформенной жизни въ порядокъ опыта. Естественно, что эти переживанія находятся въ неопредѣленномъ и измѣнчивомъ отношеніи къ системѣ опыта; въ сферѣ памяти мы находимъ только обрывки отъ впечатлѣній первыхъ лѣтъ жизни, перемѣшанные съ иллюзіями памяти и внушенными воспоминаніями, только изолированныя сцены изъ жизни сновъ, исчезающія въ массѣ неясныхъ ощущеній смутности и дисгармоніи. На зарѣ жизни человѣка и человѣчества эта область полу-организованной психической жизни еще господствуетъ надъ зарождающейся стройностью опыта и съ величайшей медленностью отстываетъ передъ ея развитіемъ; до сихъ поръ сохраняются еще слѣды такого господства, въ видѣ суевѣрій, предчувствій, мистики. Но давно уже несомнѣнна побѣда опыта, съ его возрастающей гармоніей и цѣлостностью.

Присмотримся поближе къ этимъ различнымъ степенямъ психического единства жизни, постараемся понять ихъ жизненную связь, объективныя условія ихъ взаимныхъ переходовъ.

Сравнивая состояніе спящаго глубокимъ сномъ человѣка съ состояніемъ утробнаго младенца, нельзя не найти большого сходства между ними: и здѣсь и тамъ внѣшнія впечатлѣнія устранены, проявленія жизни сводятся къ растительнымъ процессамъ, питаніе тканей организма преобладаетъ надъ его затратами, реакціи на внѣшній міръ отсутствуютъ, кромѣ немногихъ рефлексовъ. Вообще, глубокій сонъ представляетъ какъ-будто временное возвращеніе къ тому типу жизни, который свойственъ человѣку до рожденія, и по своему созидательному значенію для организма всего меньше похожъ на смерть съ ея

неизмѣннымъ спутникомъ — разрушеніемъ организма. Однако между сномъ и утробной жизнью есть глубокая принципиальная разница: спящему достаточно проснуться, чтобы очутиться въ мірѣ опыта, въ сферѣ сознательной жизни; нерожденному младенцу для этого надо еще родиться и развиваться. Въ одномъ случаѣ система опыта еще не успѣла развернуться и организоваться, въ другомъ—она временно какъ бы свертывается и дезорганизуется.

Сумма опыта, богатство переживаній и съ количественной, и съ качественной стороны опредѣляется отношеніемъ организма къ его средѣ. Тамъ, гдѣ между организмомъ и средой имѣется полное равновѣсіе, гдѣ соприкосновеніе организма и среды не представляетъ разницы въ напряженияхъ энергіи, тамъ вообще нѣтъ почвы для переживаній: организмъ какъ бы не существуетъ, сливаясь въ безразличіи со своей средою. Всякое переживаніе есть различеніе, и жизни нѣтъ тамъ, гдѣ нечего различать. Но лишь только среда и организмъ выступаютъ, какъ энергетически-неуравновѣшенная комбинація, лишь только имѣется разность напряженій энергіи, лишь только возникаетъ опредѣленный потокъ энергіи между обоими комплексами—организму есть что переживать, безразличіе смѣняется жизнью.

Но пытаясь стать на эту точку зрѣнія, мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ предразсудковъ, порожденныхъ поверхностными аналогіями и недостаточнымъ анализомъ. Эти предразсудки можно формулировать такъ: *въра въ реальную жизнь безъ переживаній*, мысль, что переживанія—только эпифеноменъ, побочное явленіе жизни.

II.

До сихъ поръ преобладаетъ дуалистическое пониманіе жизни: фізіологическая жизнь организма и его «психическія переживанія» разсматриваются, какъ двѣ совершенно различныхъ области, нигдѣ между собою прямо не соприкасающіяся, хотя и связанныя опредѣленной зависимостью. Зависимость эта, чаще всего обозначаемая, какъ «параллелизмъ», въ личномъ опытѣ оказывается, однако, неполной, прерывающейся: въ цѣломъ рядѣ случаевъ измѣненія нервнаго аппарата протекаютъ безъ всякаго замѣтнаго отраженія въ психикѣ, въ сферѣ сознанія. Только незначительная часть изъ мелкихъ и постоянно дѣйствующихъ

на нервную систему раздражений порождаютъ замѣтныя «впечатлѣнія»; а въ періоды временнаго прекращенія психической работы жизнь физиологическая остается, повидимому, совѣмъ освобожденной отъ связи съ «психическими переживаніями». Такимъ образомъ, переживанія эти какъ-будто представляютъ дѣйствительно только «эпифеноменъ» жизни, неизвѣстно откуда берущуюся и неизвѣстно куда исчезающую прибавку къ ея физиологическимъ проявленіямъ.—Выясняя же границы этого эпифеномена, можно найти много основаній считать ихъ очень узкими по сравненію съ громадными размѣрами біологическаго міра вообще.

Естественно предположить, что сложность переживаній психическаго организма соотвѣтствуетъ сложности нервно-мозгового аппарата, съ состояніями котораго они связаны. Но при этомъ самъ собой является выводъ, что такихъ переживаній вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ нервно-мозговой системы, т.-е. напр. у всѣхъ Protozoa и у многихъ низшихъ Metazoa. И такъ какъ даже у человѣка съ его необычайно сложной нервной системой переживанія эти наблюдаются не всегда, а только при наличности цѣлаго ряда условій, и чрезвычайно легко прерываются, то можно, повидимому, принять, что и существованіе центрального нервнаго аппарата, вообще говоря, не составляетъ еще достаточнаго базиса для заключенія о томъ, что имѣются «переживанія».—Въ результатъ получается нельзя сказать чтобы очень стройная и гармоничная картина: передъ нами два типа жизненныхъ процессовъ, совершенно неоднородные по содержанію; одинъ изъ нихъ выступаетъ повсюду, а другой—въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ случаяхъ, какъ своеобразное дополненіе перваго, связанное съ нимъ опредѣленной для каждаго частнаго случая, но въ общемъ нерѣдко прерывающейся зависимостью.

Однако, если нестройность картины и оскорбляетъ наше эстетическое чувство, то это, повидимому, еще не говоритъ ничего противъ ея объективной вѣрности; основаніемъ же ея служатъ, повидимому, вполнѣ несомнѣнные факты опыта и вполнѣ законныя аналогіи, безъ какихъ вообще не можетъ обойтись познаніе.

Критика всякой познавательной концепціи сводится къ двумъ моментамъ: критика обобщеній и выводовъ съ точки зрѣнія

опыта, и критика самого лежащего въ основѣ ихъ опыта съ точки зрѣнія его связи и закономерности. Понятно, что начинать надо съ послѣдняго момента, потому что только проверенный, освобожденный отъ ошибокъ и иллюзій опытъ является надежной основой для критики познанія. Въ занимающемъ насъ вопросѣ этотъ моментъ является особенно важнымъ.²

Прежде всего, необходимо установить наиболѣе прямую и непосредственную форму зависимости между «переживаніями» организма и его «физиологическими процессами»,—задача, рѣшеніе которой связано съ немалыми трудностями. Было бы, напр., ошибочно принять за такую форму зависимости связь между сложностью нервно-мозгового аппарата съ одной стороны, разнообразіемъ и полнотой переживаній—съ другой; это было бы ошибочно уже потому, что при самой развитой нервной организациі—у человѣка—наблюдаются не только сложныя переживанія, но рядомъ съ ними также весьма простыя и элементарныя, не только интенсивныя, но и очень слабыя, не только опредѣленныя, но и очень смутныя. Поэтому бесполезны были бы всякія попытки дедуктивно установить, насколько сложный и развитой центральный аппаратъ нуженъ для того, чтобы жизнь организма осложнилась «переживаніями», и въ какомъ мѣстѣ лѣстницы живыхъ существъ они вообще возникаютъ. Для рѣшенія вопроса о психо-физическомъ параллелизмѣ жизни необходимы болѣе точныя и болѣе прямыя аналогіи.

За предѣлами нашего непосредственнаго психическаго опыта всякія переживанія—слѣдовательно, вообще всѣ не наши переживанія—становятся доступны нашему познанію лишь косвеннымъ путемъ—посредствомъ *высказываній*. Опредѣленная и постоянная связь нашихъ собственныхъ «психическихъ переживаній» нашихъ воспріятій, представленій, стремленій, эмоцій съ нашими двигательными реакціями служитъ основой для объединенія нашей психической жизни съ жизнью другихъ существъ, основой для «взаимнаго пониманія» того, что «переживается» нами и другими. Съ анализа высказываній, въ ихъ связи съ непосредственными переживаніями, и начинается критика психическаго опыта.

Съ самаго начала здѣсь возможенъ вопросъ, насколько вообще законно и правильно къ наблюдаемымъ высказываніямъ другихъ организмовъ присоединять переживанія, подобныя нашимъ собственнымъ. Вопросъ этотъ разрѣшается очень легко: наибольшая

часть нашего опыта дается намъ черезъ чужія высказыванія, путемъ такого ихъ «пониманія», и оно же служитъ для насъ способомъ провѣрять и контролировать свой непосредственный опытъ опытомъ другихъ людей. На пониманіи высказываній основывается, такимъ образомъ, вся система объективнаго познанія, и такъ какъ она въ своемъ цѣломъ не впадаетъ въ противорѣчіе ни съ самой собою, ни съ жизнью вообще, такъ какъ на ней мы можемъ съ успѣхомъ строить свою практическую дѣятельность, то намъ остается только принять эту систему; а вмѣстѣ съ ней мы должны принять и нашъ постоянный способъ «понимать» высказыванія, присоединяя къ нимъ, какъ ихъ необходимое дополненіе, воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи вполнѣ аналогичныя нашимъ собственнымъ. ¹⁾

Къ высказываніямъ принадлежатъ отнюдь не однѣ только специализированныя «формы выраженія», какъ рѣчь, мимика, искусство, но всѣ вообще двигательныя реакціи организма, которыя мы можемъ «понять» въ связи съ психическими переживаніями ²⁾, Если, напр., мы видимъ человѣка, выполняющаго какую-нибудь работу, то въ его дѣйствіяхъ мы находимъ для себя цѣлый рядъ высказываній: они ясно выражаютъ наличность, во—1-хъ, *воспріятія* всѣхъ объектовъ и орудій его труда, во—2-хъ, *представленія* о нѣкоторомъ желательномъ преобразованіи этихъ объектовъ, какъ «цѣли», въ—3-хъ, *стремленія* достигнуть этой «цѣли» и принятаго *рѣшенія* въ этомъ смыслѣ. Всѣ такого рода *практическія* высказыванія имѣютъ не только не меньшее значеніе, чѣмъ «теоретическія», напр., словесныя, но даже значеніе основное по отношенію къ этимъ послѣднимъ: рѣчь, мимика и другія спеціальныя формы выраженія возникаютъ на почвѣ практическаго объединенія человѣческихъ дѣйствій, общественный трудъ людей есть первичная область ихъ общенія, а стало быть и высказываній,

1) Само собой разумѣется, что всякое частное высказываніе одного организма можетъ быть „неправильно понято“ другими, вслѣдствіе, напр., различія ихъ опыта, ихъ физиологическаго строенія и т. под. Но въ этомъ случаѣ для возстановленія познавательной гармоніи и для устраненія практическихъ противорѣчій требуется только вмѣсто однихъ переживаній подставить другія, т.е. надо опять-таки „понять“ высказыванія, только иначе, чѣмъ они прежде были поняты.

2) Мы думаемъ, нѣтъ надобности выяснять, что въ основѣ всякой „выражающей“ реакціи, даже произносимаго слова лежитъ опредѣленный комплексъ мускульныхъ сокращеній, реакція *двигательная*.

соціально-технической процессъ порождаетъ необходимость гармоническаго *объединенія опыта различныхъ людей*. Сотрудничество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ—основа соціального опыта ¹⁾).

Но за всякой ли двигательной реакціей организма можно предполагать соотвѣтственныя переживанія, и всякое ли переживаніе выражается въ двигательныхъ реакціяхъ? Каждый изъ этихъ вопросовъ требуетъ особаго и внимательнаго разсмотрѣнія.

III.

Изъ непосредственнаго опыта намъ извѣстно, что очень многія изъ нашихъ переживаній, громадное большинство ихъ, протекаютъ безъ всякихъ «высказываній», безъ всякихъ замѣтныхъ двигательныхъ реакцій. Изъ этого очевидно, что сфера переживаній несравненно шире сферы высказываній. Но насколько шире, и каково ближайшее соотношеніе обѣихъ? Это можетъ выяснить психо-физиологія.

Всякая мускульная реакція, а слѣдовательно и всякое высказываніе предполагаетъ *нарушеніе равновѣсія* энергіи центрального нервнаго аппарата, потому что осуществляется путемъ *иннервации*, потока нервной энергіи отъ центра къ периферическому двигательному аппарату,—а при равновѣсіи системы потокъ этотъ, очевидно, не могъ бы возникнуть. Равновѣсіе же зависитъ отъ непрерывнаго и всесторонняго соотвѣтствія между «питаніемъ» системы и ея «работой», т. е. между ассимиляціей энергіи изъ

---

1) Здѣсь нѣтъ возможности дать обстоятельное обоснованіе идеи о первичномъ характерѣ практическихъ высказываній, да и нѣтъ необходимости въ этомъ. Идея эта вытекаетъ изъ историко-монистической концепціи соціального процесса и находитъ себѣ достаточно подтвержденій въ современныхъ научныхъ воззрѣніяхъ вообще (напр., въ ученіи Нуаре о происхожденіи корней, въ анализѣ связи техники и познанія у Эрнста Маха, и т. под.).

Отмѣтимъ, что Авенаріусъ, основывающій на анализѣ высказываній свою теорію познанія, понимаетъ подъ „высказываніями“ преимущественно или исключительно словесныя, мимическія и т. под., при чемъ упускаетъ изъ виду высказыванія практическаго характера, которыя онъ разсматриваетъ только со стороны ихъ непосредственнаго практическаго значенія („ectectosystematische Aenderungen“, „appetitives Verhalten“ и т. под.). Впрочемъ, въ „Критикѣ чистаго опыта“ онъ вообще прямо не выясняетъ, что именно понимаетъ подъ „высказываньями“.

окружающей среды и затратами энергии, ея переходомъ въ окружающую среду. Такимъ образомъ высказываніе обусловливается тѣмъ, что Авенариусъ называетъ «жизнеразностью», т. е. неполнымъ совпадениемъ «питанія» и «работы», частичнымъ или общимъ для системы перевѣсомъ ассимиляціи надъ затратами энергии или наоборотъ,—колебаниемъ энергии системы вверхъ или внизъ отъ даннаго ея уровня, выражающаго жизненное равновѣсіе и психическое безразличіе.

Но не всякая «жизнеразность» прямо ведетъ къ высказываніямъ, а только такая, которая достаточно значительна и можетъ вызвать потокъ иннервации, способный привести къ замѣтнымъ движеніямъ организма. Громадная масса мелкихъ и мельчайшихъ жизнеразностей остаются безъ внѣшняго проявленія, пока не исчезнутъ путемъ внутренняго уравниванія системы, или пока, суммируясь, не представляютъ достаточную величину, чтобы выразиться въ физическихъ движеніяхъ. Но и крупныя, жизненно-важныя жизнеразности могутъ не породить высказываній; какъ извѣстно, это бываетъ, во-1-хъ, въ случаяхъ патологическихъ, при поврежденіи или разрушеніи нервныхъ проводниковъ, передающихъ иннервацию, при атрофіяхъ и пораненіяхъ мускуловъ и т. д.—вообще при всевозможныхъ паралитическихъ и паретическихъ состояніяхъ частей организма; во 2-хъ, что еще важнѣе, это бываетъ и въ случаяхъ вполне физиологическихъ, вслѣдствіе задерживающаго вліянія однихъ центровъ на другіе, когда начинающійся потокъ иннервации непрерывно подавляется, такъ что не переходитъ въ настоящія двигательныя реакціи. Въ такихъ случаяхъ переживаніе не связывается непосредственно съ высказываніемъ. Человѣкъ, напр., можетъ испытывать боль (что соответствуетъ быстро наступающему перевѣсу затратъ энергии системы надъ ея ассимиляціей), и не выражать ея, либо потому, что боль слишкомъ незначительна, либо потому, что не имѣетъ возможности ея выразить вслѣдствіе ненормальнаго состоянія организма, либо потому, что желаетъ скрыть ее и подавляетъ ея внѣшнія проявленія.

При современномъ состояніи психофизиологіи наиболѣе вѣроятнымъ представляется такой взглядъ: всюду, гдѣ опытъ даетъ намъ переживанія безъ высказываній, тамъ при достаточномъ изслѣдованіи возможно обнаружить жизнеразность центральнаго аппарата; если же фактически обнаружить ее въ такихъ слу-

чаяхъ удастся не всегда, то это зависитъ отъ грубости нашихъ методовъ, — и съ ихъ развитіемъ изслѣдованіе все рѣже приводитъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ.

Принимая это во вниманіе, естественно признать, что *область жизнеразностей и область переживаній вообще совпадаютъ*. Такая точка зрѣнія сразу дала бы намъ возможность въ стройной картинѣ представить отношеніе жизни психической и жизни фізіологической; но передъ нами немедленно выступаютъ различныя затрудненія.

Прежде всего, если въ нашемъ опытѣ при наличности переживанія не всегда удастся констатировать жизнеразности, то дѣйствительно ли это обусловливается только недостатками методовъ изслѣдованія, и не можетъ ли это, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зависѣть просто отъ того, что жизнеразности вовсе нѣтъ? Вообще, можно ли считать доказаннымъ, что полное равновѣсіе системы сопровождается психическимъ безразличіемъ, отсутствіемъ переживаній? Считать это *абсолютно* доказаннымъ при современномъ состояніи науки, разумѣется, нельзя; но очень многіе факты опыта говорятъ опредѣленно въ пользу этого и противъ всякаго иного допущенія.

Въ предѣлахъ существующаго матеріала наблюденій можно считать установленнымъ, что слабымъ жизнеразностямъ соотвѣтствуютъ и слабыя переживанія; что съ уменьшеніемъ первыхъ падаетъ и интенсивность вторыхъ; судя по этому, сведеніе къ нулю первыхъ должно означать и прекращеніе вторыхъ. Это особенно очевидно въ тѣхъ случаяхъ, когда причины, порождающія жизнеразность, легко поддаются объективному наблюденію и даже измѣренію, напр., въ случаѣ внѣшнихъ раздраженій, воспринимаемыхъ органами чувствъ. Какъ ни сложна зависимость между раздраженіемъ и соотвѣтственнымъ ощущеніемъ, но приближеніе къ нулю первой величины означаетъ приближеніе къ нулю и второй, отсутствіе жизнеразностей даннаго типа соединяется съ отсутствіемъ соотвѣтственныхъ переживаній ¹⁾. Затѣмъ,

¹⁾ Замѣтимъ, что раздраженіе только *возбудитель* жизнеразности, и потому она не можетъ быть просто пропорціональна ему, такъ какъ зависитъ еще отъ состоянія нервной системы, отъ наличности въ ней накопленной и разряжаемой внѣшнимъ толчкомъ потенциальной энергіи. Но для занимающаго насъ теперь вопроса это неважно, а въ дальнѣйшемъ мы еще вернемся къ этому.

когда изъ жизни организма исключаются возбуждающія причины извѣстнаго рода жизнеразностей, то устраняются не только переживанія, ближайшимъ образомъ вызываемыя этими причинами, но мало-по-малу исчезаютъ и тѣ, которыя косвенно обусловливаются ими. Если, напр., человекъ ослѣпнетъ, т.-е. если будетъ прегражденъ путь свѣтовымъ раздраженіямъ, то прекращаются сначала зрительныя воспріятія, и это соотвѣтствуетъ устраненію жизнеразностей, получаемыхъ отъ сѣтчатки. Но зрительныя *представленія* временно сохраняются очевидно, именно потому, что въ оптическихъ центрахъ, еще сохранившихъ извѣстную неустойчивость равновѣсія, продолжаютъ возникать жизнеразности отраженныя—вызываемыя вліяніемъ другихъ центровъ, а также колебаніями тонуса кровеносной системы—системы питанія. Съ теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе отсутствія специфическихъ раздраженій, въ зрительныхъ центрахъ должно сложиться относительно прочное, устойчивое равновѣсіе, жизнеразности *прежняго типа* должны исчезнуть, — и соотвѣтственно этому утрачиваются послѣдніе остатки зрительныхъ переживаній.

Противъ возможности переживаній при отсутствіи жизнеразностей центральнаго аппарата говорятъ также очень важныя біологическія соображенія. Съ точки зрѣнія современной біологіи психическія переживанія представляютъ систему *приспособленія*; между тѣмъ при «идеальномъ» равновѣсіи центральнаго аппарата онъ является «идеально» приспособленнымъ (для этого момента), ему не къ чему приспособляться, и психическая дѣятельность излишня. Вообще, при современномъ состояніи біологіи и психологіи врядъ ли кто-нибудь даже и станетъ особенно защищать идею возможности психическихъ переживаній, несвязанныхъ съ колебаніями въ фізіологической жизни нервной системы. Поэтому гораздо важнѣе для насъ другая сторона вопроса.

Существуетъ очень много случаевъ, когда мы съ увѣренностью можемъ принять наличность въ нашей нервной системѣ опредѣленныхъ жизнеразностей, и въ то же время въ психическомъ опытѣ соотвѣтственныхъ переживаній не оказывается. Таковы, напр., всѣ жизнеразности, выступающія во время глубокаго сна, наркоза и т. под. состояній. Въ бодрственномъ состояніи нерѣдко тоже, особенно при сильной концентраціи вниманія на

одной мысли или объектъ, остаются «незамѣченными», т.-е. внѣ психическаго опыта многія внѣшнія воздѣйствія, которыя достаточно сильны, чтобы дойти до мозга и вызвать тамъ жизнеразность. Иногда бываетъ даже такъ, что человекъ, который «сильно задумался», пѣлесообразно реагируетъ на внѣшнее вліяніе, совершенно «не сознавая» этого, напр., поправляетъ беспорядокъ своего костюма, отодвигается отъ открытаго окна, «самъ не замѣчая» своихъ дѣйствій. Здѣсь уже имѣется не только жизнеразность, но на ея почвѣ и «высказываніе», однако связанныхъ съ нею переживаній въ полѣ психическаго опыта нѣтъ. Всѣ подобные факты приводятъ, повидимому, къ вполне определенному выводу: жизнеразности не всегда связаны съ соотвѣтственными переживаніями. Если остановиться на этомъ выводѣ, то опять теряется возможность обобщающаго, стройнаго, словомъ—монистическаго описанія жизни въ ея психическихъ и физическихъ проявленіяхъ.

Для рѣшенія вопроса необходима *критика психическаго опыта*, т.-е. выясненіе границъ психическаго опыта и его объективнаго познавательнаго значенія.

IV.

Міръ психическаго опыта личности представляетъ изъ себя очень сложную, но связную систему переживаній. Каждое изъ нихъ болѣе или менѣе прочно объединяется съ другими такъ называемой «ассоціативной» связью, и лишь въ этой связи является частью психическаго опыта. То, что внѣ ея, внѣ психическаго опыта; то, что выпало изъ ея рамокъ, выпало изъ рамокъ психическаго опыта. Таковы безчисленныя «забытыя» переживанія, когда-то входившія въ данную систему, но утратившія свою связь съ нею. Человекъ самъ ничего о нихъ не знаетъ бы, если бы они снова, уже косвеннымъ путемъ, не вводились въ сферу его опыта: высказыванія другихъ людей сообщаютъ ему объ его прежнихъ высказываніяхъ, съ которыми необходимо должны были соединяться соотвѣтственныя психическія переживанія. Такъ узнаетъ человекъ, напр., о большей части своихъ переживаній, относящихся къ первымъ годамъ его жизни.

Какъ видимъ, границы психическаго опыта совпадаютъ съ границами той определенной связи переживаній, которую психологи называютъ «связью ассоціацій». Связь эта отнюдь не

является постоянной и однородной во всѣхъ частяхъ системы опыта, а выступаетъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ устойчивости и прочности. Есть комплексы переживаній, настолько прочно связанные со всѣми остальными, что ихъ разрушеніе или выпаденіе сразу дезорганизуетъ всю систему; таковъ сложный комплексъ органическихъ ощущеній, воспоминаній, стремленій, называемый «я». Есть другіе комплексы, соединеніе которыхъ съ остальными не такъ прочно и не такъ существенно для сохраненія системы, но которые фактически неопредѣленно долго въ ней сохраняются, время отъ времени всплывая при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ; они-то главнымъ образомъ и составляютъ то, что въ обыкновенной рѣчи называютъ «жизненнымъ опытомъ» человѣка (въ психологіи—область «привычныхъ ассоціацій»). Есть, далѣе, такіе комплексы, связь которыхъ съ остальной системой слаба и мимолетна; они возникаютъ, нѣсколько разъ всплываютъ въ полѣ сознанія и затѣмъ исчезаютъ безъ слѣда, заполняя собою громадную область пережитого—забытаго. Есть еще иного рода переживанія, соединеніе которыхъ съ системой опыта до того непрочно и неуловимо, что они только на моментъ входятъ въ поле психической жизни и совсѣмъ не попадаютъ въ область памяти—даже на время,—такъ что констатируются вообще только косвеннымъ путемъ. И это, какъ увидимъ, еще не предѣлъ; но прежде чѣмъ итти дальше, остановимся немного на этой группѣ переживаній.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ наше воспріятіе окружающей среды бываетъ крайне неполно. Нѣкоторыя части среды «привлекаютъ наше вниманіе» и отчетливо выступаютъ въ полѣ сознанія, въ опредѣленной координаціи съ другими сознаваемыми переживаніями, входя такимъ образомъ въ систему психического опыта; другія части «ускользаютъ отъ вниманія», не входятъ въ общую координацію, а остаются для психического опыта какъ бы несуществующими («todte Werte», по выраженію Авенаріуса). Однако, нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе не воспринимались, и нельзя даже принять, чтобы соотвѣтственные воспріятія совершенно пропадали для психического опыта. Иногда случается, что спустя нѣкоторое время человѣкъ при какихъ-нибудь необычныхъ условіяхъ, напр. при ненормальномъ возбужденіи, вспоминая данное событіе съ его обстановкой, въ полѣ воспоминанія находитъ, кромѣ фактовъ, занимавшихъ его со-

знаніе въ моментъ событія, также нѣкоторыя въ то время ускользнувшія отъ него частности, при чемъ эти прежде «мертвые» переживанія воскресаютъ съ большой яркостью. Однако, если бы не возникли необычныя условія, которыя повели къ воскрешенію «мертвыхъ величинъ», онѣ остались бы мертвыми и никогда не попали бы въ сферу психическаго опыта. Такъ это чаще всего и бываетъ. Пройдитесь, напр., по незнакомой вамъ улицѣ съ большимъ движеніемъ публики, массой товаровъ въ витринахъ, съ яркими вывѣсками, — вы получите миллионы впечатлѣній, а между тѣмъ много ли изъ нихъ вы сами въ это время «замѣтите» и много ли изъ этихъ послѣднихъ «вспомните» еще когда-нибудь?

Теперь предположимъ, что вы идете по той же улицѣ, но въ глубокой задумчивости, всецѣло погруженный въ рѣшеніе трудной математической задачи; до окружающаго вамъ «нѣтъ никакого дѣла», оно для васъ не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, вы ведете себя такъ, какъ если бы видѣли и слышали все происходящее вокругъ васъ: вы даете дорогу дамамъ, обходите ѣдущихъ извозчиковъ, извиняетесь, если кто-нибудь васъ толкнетъ.... Для посторонняго наблюдателя все это—высказыванія, за которыми должны скрываться *переживанія*. Но высказыванія эти, какъ говорится, «машинальны», въ нихъ «нѣтъ души». Значитъ ли это, что они пусты, что они возникаютъ безъ всякихъ переживаній? Конечно, нѣтъ; но тѣ переживанія, которыя въ нихъ выражаются, остаются *вне организованной системы* психической жизни; это изолированныя переживанія, и о нихъ мы ничего не можемъ знать изъ *непосредственной* психическаго опыта.

Въ такомъ изолированномъ положеніи оказываются во многихъ патологическихъ случаяхъ цѣлые обширные комплексы и послѣдовательности переживаній, и иногда вовсе не слабыхъ, а очень интенсивныхъ, если судить по энергіи высказываній. Вы наблюдаете лунатика и видите, что онъ предпринимаетъ рядъ дѣйствій, сложныхъ и хорошо координированныхъ, объединенныхъ, повидимому, опредѣленной цѣлью, словомъ—протекающихъ въ такой гармоніи и послѣдовательности, какъ это бываетъ при обычныхъ условіяхъ на почвѣ широкой ассоціативной связи психическихъ переживаній. Изъ послѣдующихъ высказываній больного, наступающихъ по его пробужденіи, вы узнаете, что вся

его ночная жизнь совершенно не существуетъ для его психическаго опыта. Сдѣлаете ли вы изъ этого тотъ выводъ, что всѣ проявленія лунатизма «вполнѣ механичны», что никакихъ переживаній съ ними не было связано? Но какъ примирить съ этимъ тотъ фактъ, что лунатикъ въ своихъ движеніяхъ тщательно различалъ мельчайшія условія среды, что онъ, идя по карнизу, гдѣ никогда не ходилъ на-яву, очень искусно уравнивалъ вое тѣло, и умѣлъ ставить ногу именно такъ, какъ того требовали неровности его ненадежной дорожки? Нѣкоторые лунатики въ своемъ странномъ снѣ пишутъ письма, т. е. вступаютъ въ общеніе съ другими людьми съ цѣлью вызвать въ нихъ опредѣленные переживанія. Легко ли представить себѣ, что все это—чистый автоматизмъ? Но тогда не было бы никакого основанія относиться иначе и ко всѣмъ обычнымъ, нормальнымъ высказываніямъ другихъ людей, пришлось бы во всѣхъ, кромѣ себя, видѣть оригинально устроенныя машины съ разнообразными и сложными движеніями. При этомъ потеряло бы всякій смыслъ общеніе людей, а съ нимъ исчезла бы почва и вообще для объективнаго познанія.—Нѣтъ никакой надобности создавать такія безцѣльныя и безысходныя познавательныя противорѣчія; необходимо только принять, что нѣкоторыя группы переживаній протекаютъ внѣ связи психическаго опыта, образуя обособленныя частныя координаціи, въ томъ же смыслѣ чуждыя главной системѣ координаціи психическихъ переживаній даннаго лица, въ какомъ чужды ей психическія переживанія другихъ людей ¹⁾).

Яркій примѣръ того, насколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть интенсивны переживанія, лежація за предѣлами психическаго опыта, представляютъ психо-эпилептическіе припадки. вмѣсто того, чтобы биться на землѣ въ страшныхъ судорогахъ, не имѣющихъ и тѣни цѣлесообразности, эпилептикъ иногда совершаетъ рядъ дѣйствій, повидимому, сознательныхъ, стихійно-энергичныхъ, направленныхъ нерѣдко къ непосредственному

1) Иногда ночная жизнь лунатика не вполнѣ изолируется отъ его психическаго опыта: человекъ неясно вспоминаетъ потомъ о нѣкоторыхъ своихъ сомнамбулическихъ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ, какъ о видѣнномъ сновидѣніи. Такіе промежуточные, переходные случаи являются, конечно, только лишнимъ подтвержденіемъ принимаемой нами точки зрѣнія: колебаніе границъ непосредственнаго психическаго опыта указываетъ на то, что и за его предѣлами есть еще аналогичныя ему переживанія.

разрушенію окружающаго, и тогда потрясающе-ужасныхъ въ своей дикой неудержимости. Сила этихъ «высказываній» говорить намъ о громадной интенсивности скрывающихся за ними переживаній; но отъ всего этого въ полѣ психическаго опыта не остается никакихъ слѣдовъ, если не считать послѣдующаго чувства утомленія и какъ бы разбитости организма.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обширныя группы переживаній, отдѣленныя отъ главной системы психическаго опыта, образуютъ сложныя и устойчивыя координаціи того же типа, какъ и эта главная система, въ которую онѣ не вошли. Тогда передъ нами получается то, что въ психо-патологіи называютъ «раздвоеніемъ личности». Это своеобразное явленіе — наличность двухъ, а иногда и болѣе психическихъ особей въ соединеніи съ одной, повидимому, особью фізіологической—во многомъ остается еще загадкою, и породило цѣлый рядъ взаимно противорѣчащихъ попытокъ научнаго объясненія; но для вопроса о критикѣ психическаго опыта имѣетъ значеніе только фактическая сторона дѣла, независимо отъ ея освѣщенія той или другой гипотезою. Существуютъ достаточно точныя наблюденія и вполнѣ установленныя факты, въ которыхъ совершенно ясно выступаетъ явленіе широкой и сложной организациі переживаній за предѣлами данной системы психическаго опыта, но въ связи съ тѣмъ же нервнымъ аппаратомъ, съ которымъ она функціонально связана.

Въ наиболѣе типичныхъ и развитыхъ случаяхъ этого рода, каковы, напр., часто цитируемые случаи д-ра Azam'a, Camuset, Mac-Nish'a, дѣло происходитъ такъ. Вся психика больного періодически измѣняется, переходя отъ одного состоянія къ другому, и обратно—иногда такихъ различныхъ состояній бываетъ и больше двухъ,—при чемъ явнымъ образомъ нарушается или даже прерывается прежняя ассоціативная связь психики, замѣняясь новою. Иногда больной при этомъ совершенно теряетъ даже всякое воспоминаніе о томъ, что онъ думалъ, говорилъ и дѣлалъ въ предыдущемъ своемъ состояніи,—такъ было, напр., въ случаѣ, описанномъ Mac-Nich'емъ, и въ одномъ изъ двухъ состояній Фелиды, пациентки Azam'a; иногда воспоминанія сохраняются (другое состояніе Фелиды), но пациентъ чувствуетъ себя настолько психически измѣнившимся, что не можетъ признавать себя за ту же самую личность, которая была передъ этимъ.

Мѣняется весь «характеръ» человѣка, его взгляды и манеры, и не только онъ самъ считаетъ себя «другимъ» человѣкомъ, но то же самое признаютъ и окружающіе—на основаніи общей картины его высказываній. Если воспоминаніе о предыдущей психической фазѣ сохраняется, то больной обозначаетъ ее выраженіями «другой», «другой я» и т. п.; пациентка Dufau характеризовала свое первичное (нормальное) состояніе словами: «quand moi est bête». Если же предыдущая фаза совершенно забывается, а между тѣмъ это основная, «нормальная» фаза, соотвѣтствующая періоду до заболѣванія, то дѣло можетъ доходить до того, что больному приходится заново учиться читать, писать и считать, часто даже говорить, и заново знакомиться со всей окружающей обстановкой. Такъ было съ той американской дамой, о которой рассказываетъ Mac-Nich: когда она приходила въ свое «второе состояніе», то знала только то, чему въ этомъ состояніи научилась.—Смѣна одной фазы другою происходитъ обыкновенно болѣе или менѣе рѣзко, иногда сразу и неожиданно, иногда послѣ глубокаго сна, иногда послѣ своеобразнаго сумеречнаго состоянія.

Какъ ни истолковывать подобные факты—видѣть ли въ нихъ настоящую «множественность сознанія» или, слѣдуя другой гипотезѣ, обширные, растянутые во времени приступы истеріи со значительными амнезіями, перемежающіеся органическаго самочувствія и т. д.,—изъ нихъ можно съ несомнѣнностью сдѣлать одинъ выводъ: психическимъ опытомъ личности не исчерпывается вся сумма «переживаній», связанныхъ съ ея физиологическими процессами; за его предѣлами можетъ оставаться масса различныхъ переживаній, которыя въ обычныхъ случаяхъ бываютъ сравнительно изолированными и разбросанными, иногда же группируются въ сложныя единства, во многомъ аналогичныя главной системѣ психическаго опыта. Эти побочныя психическія группировки могутъ даже временно вытѣснять главную и вмѣсто нея господствовать надъ областью высказываній, что и даетъ поводъ къ представленію о «смѣнѣ личностей» въ упомянутыхъ нами наблюденіяхъ специалистовъ; аналогичную картину представляетъ также лунатизмъ и психо-эпилепсія. Въ другихъ же случаяхъ удается наблюдать высказыванія побочныхъ психическихъ группировокъ *одновременно и наряду* съ высказываніями главнаго «сознанія». Подобнаго рода факты также очень важны для вопроса о кри-

тикѣ психическаго опыта, и на нихъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Въ экспериментахъ, многократно производившихся надъ истеричными субъектами, удавалось получать сложныя, координированныя, строго цѣлесообразныя высказыванія въ отвѣтъ на такія возбужденія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «главнаго» сознанія личности. Вотъ самые типичные примѣры (изъ опытовъ П. Жанэ, Бинэ, Бабинскаго и др.). — Пациентка, страдающая мѣстными анестезіями, между прочимъ, полной анестезіей правой руки, помѣщена такимъ образомъ, что эта ея рука закрыта отъ нея ширмой. Въ руку вкладываютъ карандашъ, складываютъ пальцы такъ, какъ надо для писанья, и подкладываютъ бумагу. Такъ какъ пациентка не видитъ этого, а рука ея нечувствительна, то сама она ничего не знаетъ объ этомъ. Затѣмъ на тыльную сторону руки накладываютъ металлическую букву или какое-нибудь рельефное изображеніе, — и *нечувствительная* рука сама пишетъ карандашомъ эту букву или довольно точно вычерчиваетъ изображеніе. При этомъ детали изображенія воспроизводятся иногда съ такой точностью, которая указываетъ на настоящую тактильную гиперэстезію — въ нечувствительной рукѣ. — Въ другихъ опытахъ экспериментаторъ, помѣщавшійся сзади отъ пациентки, очень тихимъ голосомъ задавалъ ей вопросы въ то самое время, когда ея вниманіе было совершенно отвлечено оживленнымъ разговоромъ съ другими лицами; эти вопросы ни въ какомъ случаѣ не могли достигнуть «сознанія» больной, и однако ея нечувствительная рука писала на нихъ отвѣты карандашомъ, между тѣмъ какъ «сама» больная даже не знала о томъ, что въ ея рукѣ вложенъ карандашъ.

Подобныя эксперименты производились съ успѣхомъ въ самыхъ различныхъ варіаціяхъ, напр., съ замѣной обычныхъ истерическихъ анестезій — внушенными въ состояніи гипноза ¹⁾. Тѣ высказы-

¹⁾ Измѣняя условія опыта, удавалось установить существованіе довольно тѣсной связи между „сознаніемъ“ и внѣ-сознательными координаціями: дѣйствуя на анестезированную поверхность кожи, внушали „сознанію“ различныя представленія и даже галлюцинаціи; такъ, дѣлая незамѣтно для больного въ его нечувствительную кожу нѣсколько булавочныхъ уколовъ, предлагали ему задумать какое-нибудь число, и онъ называлъ именно число слѣданныхъ уколовъ; прикладывали къ нечувствительной кожѣ затылка рельефное металлическое изображеніе, и у больного получался соотвѣтствующій этому изобра-

званія, которыя при этомъ получались, соотвѣтствуютъ, какъ видно изъ самой постановки экспериментовъ, не «сознанію» личности, не главной ея психической координаціи, а другимъ группировкамъ переживаній, «подсознательнымъ», существующимъ рядомъ съ главнымъ «сознаніемъ» и до извѣстной степени самостоятельно отъ него.

Въ сущности, съ этими фактами вполне однородны всѣ «машинальныя» или «безсознательныя» высказыванія нормальныхъ людей, высказыванія, о которыхъ мы говорили раньше: цѣлесообразныя реакціи глубоко задумавшагося или вообще вполне поглощеннаго чѣмъ-нибудь однимъ человѣка на постороннія возбужденія, которыхъ онъ не замѣчаетъ. У истеричныхъ субъектовъ эти явленія только сложнѣе и ярче, что находится въ очевидной связи съ обычнымъ суженіемъ поля главнаго сознанія, составляющимъ основную черту истеріи. «Подсознаніе» истеричныхъ, какъ и «второе сознаніе» при періодической смѣнѣ личности, представляетъ изъ себя *отдѣльно организованную* систему переживаній, оставшихся за порогомъ нормальнаго психическаго опыта; въ большинствѣ же случаевъ такой отдѣльной организациі не создается, переживанія внѣ главной системы протекаютъ изолированными группами, причемъ иногда *косвенно* вступаютъ въ связь съ этой системой путемъ высказываній, наблюдаемыхъ другими людьми, или оставляющихъ матеріальные слѣды въ родѣ написаннаго слова, рисунка, сломанной вещи и т. под.

Какъ видимъ, критика психическаго опыта, основываясь на сопоставленіи его съ опытомъ объективнымъ, показываетъ, что область «непосредственныхъ переживаній», связанныхъ съ физиологическимъ процессомъ, гораздо шире области психическаго опыта, которая обнимаетъ лишь одну главную систему такихъ переживаній, не захватывая ни побочныхъ, до извѣстной степени самостоятельно организующихся системъ, ни частныхъ изолированныхъ группъ, ни изолированныхъ отдѣльныхъ переживаній. Соотвѣтственно этому, должно быть расширено понятіе о «непосредственныхъ переживаніяхъ» для рѣшенія вопроса о связи ихъ съ физиологической жизнью.

женію зрительно-галлюцинаторный образъ и т. под.—Эта связь „сознанія“ и „внѣ-сознательныхъ впечатлѣній“ соотвѣтствуетъ, очевидно, *жизненному единству организма*, хотя она и не есть *непосредственная* ассоціативная связь, какая выступаетъ въ полѣ сознанія,

Насколько же именно слѣдуетъ расширить это понятіе? Прежде всего очевидно, что надо принять наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются высказыванія, хотя и оставшія внѣ связи личнаго психическаго опыта. — Но за высказываніями скрываются *жизнеразности*, именно тѣ изъ нихъ, которыя настолько значительны, чтобы въ достаточной мѣрѣ нарушить равновѣсіе двигательныхъ центровъ и вызвать изъ нихъ достаточно сильный потокъ энергіи (въ видѣ иннервациі) по направленію къ периферіи. Между тѣмъ психическій опытъ сообщаетъ намъ о громадной массѣ такихъ переживаній, которыя не выражаются въ высказываніяхъ, потому что связаны съ болѣе слабыми жизнеразностями, неспособными вызвать внѣшнія движенія. Если это такъ, то мы должны принять, что и за предѣлами психическаго опыта «непосредственныя переживанія» существуютъ не только тамъ, гдѣ они выражаются въ замѣтныхъ движеніяхъ, но и тамъ, гдѣ соединенныя съ ними жизнеразности недостаточно для этого значительны. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что *область «непосредственныхъ переживаній» человека, въ сферѣ психическаго опыта и за ея предѣлами, совпадаетъ съ областью жизнеразностей центральнаго нервнаго аппарата.*

Принявши такую точку зрѣнія, мы не можемъ избѣгнуть вопроса, въ какихъ же случаяхъ переживанія входятъ въ сферу психическаго опыта и въ какихъ нѣтъ? Какія жизнеразности имѣютъ ближайшее отношеніе къ психическому опыту и какія нѣтъ? Отвѣтъ можетъ основываться только на анализѣ основныхъ психо-физиологическихъ данныхъ, касающихся этого вопроса.

V.

По своей основной характеристикѣ, психическій опытъ есть система опредѣленныхъ связей, именно ассоціативныхъ. Поэтому переживанія «внѣ опыта» — это тѣ, которыя не попали въ данную систему связей, тѣ, которыя остались изолированными отъ главнаго потока переживаній. Ассоціативная цѣпь воспоминаній, представленій, стремленій, возбуждаемыхъ всякимъ даннымъ переживаніемъ, выражаетъ собою, съ физиологической точки зрѣнія, отраженныя, вторичныя жизнеразности, вызванныя тѣмъ, что первоначальное нарушеніе равновѣсія распространяется по нервному аппарату, порождая въ различныхъ его частяхъ колебанія

различной интенсивности и различной формы. Если жизнеразность изолированно протекает въ нѣкоторыхъ элементахъ нервного аппарата, не вызывая отзвука въ остальныхъ, то соответственное переживаніе также должно оказаться внѣ связи психической жизни, потому что нѣтъ промежуточныхъ (ассоціативныхъ) звеньевъ, которыя вводили бы его въ эту связь. Эти общія соображенія еще болѣе подтверждаются, если разсмотрѣть типичные случаи жизнеразностей, не связанныхъ съ психическимъ опытомъ.

Громадное большинство наиболѣе слабыхъ раздраженій, дѣйствующихъ на организмъ человѣка, совершенно «не замѣчаются» въ сферѣ сознанія, не порождаютъ доступныхъ психическому опыту ощущеній. И это вполне понятно: очень слабыя жизнеразности не выходятъ изъ предѣловъ ограниченного числа непосредственно затронутыхъ элементовъ, такъ какъ нервные проводники представляютъ извѣстное сопротивление передачѣ энергетическихъ колебаній. Но въ *нѣкоторыхъ* специальныхъ случаяхъ такія же слабыя раздраженія находятъ доступъ въ поле сознанія; и это также физиологически вполне понятно: нервныя клѣтки сами въ себѣ заключаютъ, какъ аккумуляторы, запасъ потенциальной нервной энергіи, для раздраженія которой достаточно иногда и очень слабой жизнеразности, пришедшей извнѣ, а разряженіе это само можетъ составлять уже гораздо болѣе крупную жизнеразность, съ гораздо болѣе широкимъ кругомъ послѣдовательныхъ колебаній въ другихъ частяхъ нервного аппарата.

Какъ извѣстно, человѣкъ дѣлается воспримчивѣе къ опредѣленнымъ слабымъ раздраженіямъ именно тогда, когда его «вниманіе» направлено къ ихъ воспріятію. Съ точки зрѣнія наиболѣе принятыхъ теорій вниманія (вазомоторно-мускульныхъ), актъ вниманія всегда связанъ съ повышеннымъ питаніемъ тѣхъ элементовъ центрального аппарата, которые находятся въ дѣятельномъ состояніи. Вы, положимъ, желаете разсмотрѣть детали отдѣльнаго предмета и внимательно въ него вглядываетесь; это означаетъ, что ваша сосудодвигательная система, путемъ расширенія мелкихъ сосудовъ, питающихъ дѣятельныя участки мозга, направляетъ къ этимъ участкамъ, за счетъ другихъ, наибольшую сумму питанія. Такимъ путемъ въ соответственныхъ оптически-мозговыхъ клѣткахъ быстро накапливается потенциаль-

ная энергія, и онѣ превращаются въ заряженные аппараты, при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ разряжающіеся какъ бы взрывомъ энергіи, вызывающимъ вторичныя колебанія во многихъ пунктахъ центральной системы. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ въ общую координацію психическаго опыта попадаютъ даже сравнительно очень небольшія свѣтотворныя раздраженія, соотвѣтствующія мелкимъ деталямъ воспринимаемой картины. Естественно также и то, что для остальныхъ частей мозга, питаніе которыхъ, наоборотъ, понижено по сравненію съ обычными условіями, энергія которыхъ уменьшена, требуются болѣе значительныя жизнеразности, чтобы вызвать передачу колебанія въ различныхъ направленіяхъ на обширныя области центральной системы; и потому въ сферѣ, напр., тактильныхъ и слуховыхъ, а также незахваченныхъ актомъ вниманія зрительныхъ ощущеній, остаются «незамѣтными» для сознанія такія раздраженія, которыя непременно были бы «замѣчены» если бы не было «отвлечено вниманіе».

Во время глубокаго сна, наркоза, обморока постоянно наблюдается пониженное питаніе мозга—его анемія, слабое кровяное давленіе, медленность тока крови (вслѣдствіе уменьшенной работы сердца). При этомъ, очевидно, въ кортикальныхъ клѣткахъ - аккумуляторахъ напряженіе собственной энергіи очень понижено, и достигающія ихъ возбужденія порождаютъ лишь мелкія жизнеразности, неспособныя широко разлиться въ мозговой корѣ. Кромѣ того, при обыкновенномъ снѣ, наступающемъ послѣ дневнаго утомленія, связи центральнаго аппарата бывають, повидимому, нарушены вслѣдствіе другой еще причины: за время бодрствованія въ клѣткахъ и проводникахъ скопляются различные продукты жизненнаго распада дѣятельныхъ тканей, такъ что вслѣдствіе измѣненія химическаго состава возбудимость клѣтокъ и проводимость проводниковъ очень значительно ослабляются. Возникающія жизнеразности такимъ образомъ остаются изолированными—и то же относится къ соотвѣтственнымъ переживаніямъ.

Впрочемъ, во снѣ, благодаря неравномѣрному распредѣленію питанія, а также сравнительно сильнымъ раздраженіямъ и прочимъ случайнымъ комбинаціямъ условій, легко наступающимъ въ такой сложной системѣ, нѣкоторыя жизнеразности оказываются достаточно велики, чтобы вызвать рядъ вторичныхъ ко-

лебаній; тогда получаютсѣ сновидѣнія. Распространеніе вторичныхъ колебаній при этомъ можетъ происходить и не по обычнымъ путямъ, а по тѣмъ проводникамъ, которые, такъ сказать, наименѣе засорены продуктами жизнедѣятельности тканей; вѣроятно, въ зависимости отъ этого находится обычная безсвязность сновидѣній, нелѣпныя превращенія, которыя въ нихъ выступаютъ, и т. под. ¹⁾.—При лунатизмѣ же дѣло идетъ, очевидно, о вторичной, особой системѣ физиологическихъ связей, въ нормальномъ состояніи не функционирующей, а выступающей во время сна, когда главная система подавлена дневнымъ утомленіемъ. Психически это должно выражаться во второй, болѣе узкой координаціи, подобной системѣ психического опыта.—Въ несравненно болѣе развитой формѣ является эта вторая система при «раздвоеніи сознанія». Тамъ она достигаетъ такой сложности и приспособленности, что можетъ надолго замѣнять первичную, главную систему въ управленіи жизнедѣятельностью организма, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ шагъ за шагомъ совсѣмъ вытѣсняетъ главную систему, при чемъ послѣдняя атрофируется (какъ это было у больной Azam'a).

Связь явленій гипноза съ необычнымъ состояніемъ питанія мозга несомнѣнна: ослабленный пульсъ, нѣкоторое поблѣднѣніе лица, головная боль въ случаѣ рѣзкаго пробужденія указываютъ на анемическое состояніе мозга при пониженномъ давленіи крови. Поле «сознанія» чрезвычайно сужено, но такъ какъ «сознаніе» сохраняется, то можно предполагать, что питаніе коры понижено не такъ равномѣрно повсюду, какъ, положимъ, при глубокомъ снѣ. Неравномѣрность эта выражается, главнымъ образомъ, въ фактахъ внушенія: при общемъ ослабленіи и дезорганизациі жизни мозга, путемъ повторяющихся внѣшнихъ воздѣйствій, напр., высказываній гипнотизирующаго лица,

---

¹⁾ Вполнѣ аналогичны явленія при наркозѣ—тамъ имѣется, съ одной стороны, отравленіе нервныхъ элементовъ, понижающее ихъ возбудимость и проводимость, съ другой стороны—пониженіе кровяного давленія, а стало быть и питанія. Чѣмъ слабѣе наркотическое средство понижаетъ кровяное давленіе, тѣмъ менѣе постоянно и надежно его снотворное дѣйствіе—не хватаетъ одного существеннаго момента, устраняющаго связность нервно-физиологической жизни. До сихъ поръ не удаются попытки фармакологовъ создать вѣрно-дѣйствующій наркотикъ, который угнеталъ бы систему кровообращенія не въ большей мѣрѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ нормальному сну.

поддерживается работа *нѣкоторыхъ* элементовъ мозга, и тогда эта работа происходитъ именно въ такой связи, которая обусловливается этими воздѣйствіями, т. е. внушеніями.

Тутъ много неяснаго и неизученнаго, но все указываетъ на возможность «психическихъ» группировокъ внѣ главной системы психического опыта. Экспериментаторамъ удается внушать полное забвеніе того, что пережилъ пациентъ за время гипнотическаго сна, при чемъ изъ сферы психического опыта искусственно вырываются цѣлые сложные ряды переживаній; удается внушить не видѣть или не слышать чего-нибудь въ послѣ-гипнотическомъ состояніи, и это выполняется съ большой точностью, указывающей на то, что организмъ хорошо различаетъ и обособляетъ «невидимые» предметы и «неслышимые» звуки, но соотвѣтственныя воспріятія остаются внѣ связи психическаго опыта и его высказываній; удается внушить сдѣлать что-либо въ опредѣленное время послѣ пробужденія, и въ назначенный моментъ *забытое* внушеніе съ непреодолимой силой вступаетъ въ поле психическаго опыта.—Словомъ, путемъ ^{внушенія} достигается до извѣстной степени произвольное обособленіе *нѣкоторыхъ* группъ переживаній отъ общей и главной ихъ системы, и введеніе ихъ вновь въ эту систему при произвольныхъ условіяхъ. Несомнѣнно, что всему этому соотвѣтствуютъ значительныя измѣненія въ питаніи всего мозга и отдѣльныхъ его частей, колебанія, слѣдовательно, какъ потенциальной энергіи нервныхъ клѣтокъ, такъ и проводимости нервныхъ волоконъ, вообще—условія, измѣняющія систему связей нервнаго аппарата, измѣняющія границы и направленіе передачи въ немъ возникающихъ жизнеразностей. Такимъ образомъ, и здѣсь есть всѣ основанія предполагать, что группировкамъ переживаній соотвѣтствуютъ группировки жизнеразностей и наоборотъ.

Во всякомъ случаѣ, нервный аппаратъ представляетъ одно жизненное цѣлое, и потому врядъ ли въ немъ возможны *безусловно* обособленныя группировки связей, такъ что врядъ ли возможны и безусловно отдѣльныя группировки переживаній. Тѣ комбинаціи переживаній, которыя не входятъ въ главную ихъ систему, состоятъ изъ частей, которыя сами входятъ въ эту систему, только въ иныхъ сочетаніяхъ. Если бы это было не такъ, намъ не были бы понятны высказыванья, связанныя съ такими «внѣ-сознательными» группами переживаній. Когда, напр., лу-

натикъ совершаетъ разныя дѣйствія, довольно обычныя для него и на-яву, то совершенно ясно, что за этими дѣйствіями скрываются цѣлыя довольно сложныя ассоціаціи переживаній, которыя при иныхъ соотношеніяхъ фигурируютъ и въ главномъ полѣ психическаго опыта, въ «полѣ сознанія». Въ другихъ случаяхъ—при мелкихъ «безсознательныхъ» реакціяхъ, напр. человѣка сильно задумавшагося, дѣло идетъ о болѣе узкихъ группахъ переживаній и о сравнительно простыхъ психическихъ комбинаціяхъ, которыя при иныхъ условіяхъ выступаютъ цѣликомъ въ «полѣ сознанія». И наконецъ даже тѣ внѣ-опытныя переживанія, которыя наиболѣе несложны и слабы, такъ что вовсе не выражаются внѣшнимъ образомъ,—даже они, соотвѣтствуя жизнеразностямъ различныхъ частныхъ органовъ и клѣтокъ нервнаго аппарата, слагаются во всякомъ случаѣ изъ тѣхъ же *элементовъ*, изъ какихъ и всѣ переживанія психическаго опыта.

Здѣсь мы пришли, въ сущности, къ тавтологическому положенію. Какъ выяснено новѣйшей позитивной философійей, элементы психическаго опыта тождественны съ элементами всякаго опыта вообще, такъ какъ тождественны съ элементами опыта физическаго. Элементы опыта—цвѣтовые, иннервационные, тактильные, акустическіе и проч.—элементы краснаго и зеленаго, элементы протяженія, элементы твердаго и мягкаго, теплаго и холоднаго, элементарные тоны и т. д., одинаково образуютъ и «тѣла» объективнаго, физическаго міра, и воспріятія, образы, представленія—міра психическаго. Разница только въ типѣ группировки, въ характерѣ связи, которая является въ одномъ случаѣ—связью объективной закономерности, въ другомъ—связью ассоціацій. Такимъ образомъ, вообще не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы «внѣ-психическія» переживанія, соотвѣтствующія изолированнымъ нервнымъ процессамъ человѣческаго организма, по элементарному составу отличались отъ тѣхъ, которыя входятъ въ систему психическаго опыта. Надо только прибавить, что и типъ группировки элементовъ въ тѣхъ и другихъ переживаніяхъ одинаковый, именно, ассоціативный, какъ съ несомнѣнностью можно заключить изъ соотвѣтствующихъ тѣмъ и другимъ высказываній.

Вполнѣ очевидно, что съ нашей точки зрѣнія теряетъ всякое принципиальное значеніе различіе между «центрами сознанія» и «центрами безсознательныхъ реакцій». Если какія-нибудь жизне-

разности въ своемъ распространеніи не выходятъ за предѣлы спинного мозга, или отдѣльнаго нервнаго узла, напр., симпатической системы, то соотвѣтственныя переживанія останутся «внѣ-сознательными» именно въ томъ смыслѣ, что они принадлежатъ *не къ той* координаціи переживаній, которая образуетъ нашъ «психическій опытъ». И такъ какъ жизнеразности центрального аппарата слагаются изъ жизнеразностей отдѣльныхъ клѣтокъ, то съ полнымъ основаніемъ можно принять, что всюду, гдѣ имѣется нервная клѣтка и гдѣ возникаетъ въ ней жизнеразность, существуетъ также нѣчто вполне аналогичное нашимъ «непосредственнымъ переживаніямъ», хотя бы очень простое и слабое по сравненію съ обычнымъ содержаніемъ поля нашего сознанія.

Но этого мало. Нервная клѣтка, въ процессѣ индивидуальной эволюціи, есть результатъ развитія и дифференціаціи клѣтки эмбриональной, а весь психо-физическій организмъ въ біологическомъ процессѣ—результатъ эволюціи самостоятельной клѣтки типа protozoa. Развитие не можетъ создавать ничего новаго *по существу*, а только новыя и болѣе сложныя комбинаціи того, что *въ видѣ элементовъ* имѣлось и раньше. Поэтому всюду, гдѣ есть живая клѣтка, мы должны—если признаемъ законъ единообразія природы—принимать нѣчто принципиально-однородное съ нашими психическими переживаніями. Нѣтъ жизни безъ переживаній, нѣтъ «чисто физиологической жизни». Такъ устраняется тотъ невозможный, головокружительный скачокъ, который создаютъ мыслители типа Du-Bois-Reymond'a въ образѣ «перваго ощущенія», возникающаго въ лѣстницѣ біологическаго прогресса.

Но не является ли зато неизбѣжнымъ такой скачокъ тамъ, гдѣ *жизнь* возникаетъ изъ неорганическихъ процессовъ? Конечно, нѣтъ. Для насъ не существуетъ иной природы, кромѣ той, которая состоитъ изъ *элементовъ*, и эти элементы, при всемъ ихъ разнообразіи, одни и тѣ же въ опытѣ физическомъ и психическомъ, а тѣмъ болѣе въ природѣ неорганической и органической. Жизнь есть опредѣленная *организация* этихъ элементовъ, а неорганический міръ есть иная ихъ комбинація, не обладающая никакой, или только низшей организованностью. Только наша способность отвлеченія дѣлаетъ неорганическую природу «безжизненной», что совершенно не соотвѣтствуетъ всему смыс-

лу нашего опыта, такъ какъ эта же неорганическая природа есть необходимая часть *нашей собственной жизни*. Непрерывное превращеніе въ живыхъ организмахъ неорганическаго матеріала въ составную часть самихъ этихъ организмовъ, возможность постояннаго обновленія жизни изъ безжизненнаго съ очевидностью говорить намъ, что здѣсь дѣло идетъ только о различіяхъ комбинаціи, объ измѣняющихся отношеніяхъ, но не о тѣхъ абсолютныхъ различіяхъ, которыя такъ дороги метафизикамъ. Матеріаль сознанія, жизни, всей природы всюду одинъ; группировки его различны. Развѣтіе жизни всегда означаетъ одно и то же: это *возбстаніе организованности* въ группировкѣ элементовъ.

Не пришли ли мы тутъ къ панпсихизму, къ представленію всей природы по типу человѣческаго сознанія? Всего меньше. Природа не есть нѣчто «психическое», это станетъ ясно, если хорошо понять, что именно называется «психическимъ». Психическое вовсе не «субстанція», а только *отношеніе*. Это опредѣленная *связь* явленій, опредѣленная *закономѣрность* опыта. Когда «элементы» опыта выступаютъ для насъ въ объективной, общезначимой закономірности, мы называемъ комплексы этихъ элементовъ «физическими тѣлами», когда закономірность иная, не объективная, необщезначимая (именно, ассоціативная), мы называемъ комплексы «психическими». *Элементы* не имѣютъ ни физическаго, ни психическаго характера; они *внѣ* этихъ опредѣленій. Панпсихизмъ, для котораго вся природа слагается изъ психическихъ комплексовъ, который «объясняетъ» физическое черезъ психическое, выражаетъ, слѣдовательно, тенденцію свести объективную закономірность явленій къ субъективной связи; это стремленіе въ высшей степени анти-научное. Идеаль науки діаметрально противоположенъ этому: сведеніе всякой объективной связи къ объективной закономірности. Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ былъ всегда несравненно ближе къ прогрессивнымъ тенденціямъ науки; но онъ шелъ недостаточно далеко въ анализъ дѣйствительности, и вмѣсто прямыхъ элементовъ опыта—физическаго и психическаго—подставлялъ сложные комплексы, называемые «матеріей». Разсматривая же эти комплексы исключительно съ точки зрѣнія объективной закономірности, онъ былъ вѣренъ духу научнаго познанія, и потому представлялъ ближайшую ступень къ научному міровоззрѣнію. Онъ былъ бо-

лѣе объективенъ и позитивенъ, чѣмъ спиритуалистическія направленія, но еще недостаточно объективенъ и позитивенъ. Истина и здѣсь, какъ бываетъ обыкновенно, была не въ «золотой серединѣ» между сталкивающимися направленіями, а внѣ ихъ обоихъ. Прогрессивное мышленіе нашего времени къ борьбѣ матеріализма и спиритуализма относится приблизительно такъ же, какъ къ происходившей нѣкогда борьбѣ протестантизма и католицизма: считая одно изъ двухъ направленій «болѣе истиннымъ», оно и имъ, однако, не можетъ удовлетворяться.

Возвращаемая къ нашей главной темѣ. На основаніи всего изложеннаго мы принимаемъ наличность переживаній всюду, гдѣ имѣются жизнеразности органическихъ процессовъ. Связь переживаній съ жизнеразностями мы признаемъ постоянной, однообразной. Теперь постараемся точнѣе опредѣлить характеръ этой связи.

А. Богдановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIV.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкою и Л. М. Лопатина.

Книга V (70).

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1903 г.

МОСКВА.

Гипо-латографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Въ защиту чудеснаго А. Аскольдова	431
Научное міровоззрѣніе и философія. (Продолженіе.) Л. Лопатина	475
Вѣра въ безсмертіе. (Продолженіе.) Кн. С. Н. Трубецкого .	497

Болѣзнь Н. В. Гоголя. В. Ф. Чижа . (Продолженіе).	761
Письма по философіи естествознанія. Письмо I: что такое натуралистическій идеализмъ? А. Бачинскаго	806
Жизнь и психика. (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни.) (Окончаніе.) А. Богданова	824
Отношеніе между социологіей и психологіей. Н. Абрикосова .	867

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Проф. Г. Челпановъ „Мозгъ и душа“. 2-е изданіе редакціи журнала «Міръ Божій». Спб., 1903. Стр. XI + 366. Ц. 1 р. 50 к. Г. Шпетта	877
Dr. Ferdinand Schmidt . Grundzüge der konstitutiven Erfahrungsphilosophie als theorie des immanenten Erfahrungsmonismus. Brln. 1901. S. XII + 252. Д. Викторова .	882

	<i>Стр.</i>
Dr. Broder Christiansen. Erkenntnisstheorie und Psychologie des Erkennens. Hanau, 1902. S. IV + 48. Д. Викторова.	886
Dr. Richard Höningwald. Zur Kritik der Machschen Philo- sophie. Eine Erkenntnisstheorie Studie. Brln., 1903. IV + 54. Д. Викторова	887
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Archiv fur systematische Philosophie. Band VIII. Heft 3. 1903 г. А. Басистова.	891
Rivista filosofica. Январь—апрѣль. 1903 г. Н. К. Вальден- бергъ	894
Психологическое Общество. (Отчеты о засѣданіяхъ.) . .	898
Полемика.	
Логика мудрыхъ людей и мораль. (Отвѣтъ В. Гольцеву.) П. Некрасова	902
Матеріалы для журнальной статистики	928
Объявленія.	

Жизнь и психика ¹⁾.

(Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни.)

В. Психоэнергетика.

I.

Прежде всего, намъ надо отчетливо установить самое понятіе «жизнеразности». Дѣло въ томъ, что Авенаріусъ, создавшій это понятіе, придавъ формулировку, на нашъ взглядъ, совершенно неудовлетворительную съ біологической точки зрѣнія. Въ его формулировкѣ чувствуются остатки консервативнаго, статическаго пониманія жизни, того, которое шагъ за шагомъ устраняется въ развитіи эволюціоннаго мышленія. Эти остатки достаточно выяснить, чтобы отбросить.

Въ основѣ явленій жизни лежитъ подвижное равновѣсіе энергій, двусторонній потокъ между жизненной системой и ея средою. Ассимиляція, усвоеніе энергій изъ внѣшней среды идетъ рядомъ съ дезассимиляціей, потерей энергій, ея разсѣяніемъ въ этой же средѣ. Полное равновѣсіе обоихъ потоковъ во всѣхъ частяхъ системы есть случай идеальнаго консерватизма; такого консерватизма нельзя найти въ дѣйствительности, но онъ—удобная абстракція, которая всего лучше можетъ служить исходной точкой изслѣдованія. Всякій реальный процессъ жизни представляетъ рядъ непрерывныхъ нарушеній идеальнаго консерватизма, то въ одну, то въ другую сторону.

Норма идеальнаго консерватизма жизни сама есть *величина непрерывно измѣняющаяся*. Каждый моментъ приноситъ какое-нибудь, хотя бы ничтожное, измѣненіе во внутреннихъ отноше-

---

¹⁾ № 69 „Вопр. Фил. и Псих.“.

нїяхъ системы; въ каждое послѣдующее мгновеніе она уже не исполнѣ та, что въ предыдущее. Это исполнѣ очевидно, если представить себѣ рядомъ цѣлые обширные періоды жизненнаго цикла: равновѣсіе жизни для ребенка не то же, что для старика, для юноши не то же, что для зрѣлаго человѣка. А такъ какъ превращеніе совершается непрерывно, то и безконечно-малыя измѣненія каждаго момента хотя незамѣтны, но несомнѣнны.

Пусть равновѣсіе жизни въ теченіе нѣкотораго времени нарушается въ пользу ассимиляціи: она преобладаетъ надъ затратами энергіи. Затѣмъ въ извѣстный моментъ обѣ стороны жизненнаго процесса уравниваются. Идеальное равновѣсіе восстанавливается, но это—уже не то равновѣсіе, какое было до нарушенія. Та общая сумма энергіи, которую представляетъ система, больше прежней: организмъ выросъ, ребенокъ сталъ юношей. Если бы система вернулась къ прежнему равновѣсію, это означало бы пониженіе жизни, деградацію. Поэтому идеальное (мыслимое) равновѣсіе системы вовсе не есть *идеаль* жизни; или, вѣрнѣе, это идеаль, но статическій, застойный, а не динамическій, прогрессивный. Въ анализѣ жизненныхъ колебаній нельзя упускать различія между возрастаніемъ и пониженіемъ энергіи системы, нельзя разсматривать оба случая, какъ принципиально однородные.—Но именно это дѣлаетъ Авенариусъ.

Ему дѣло представляется такимъ образомъ. Въ теченіе, положимъ, сна въ жизненной системѣ ¹⁾ накапливается, вслѣдствіе перевѣса «питанія» надъ «работой», избытокъ «питанія». Съ избыткомъ «питанія» человѣкъ вступаетъ въ активную жизнь бодрствованія, и *жизненная задача* организма—установить равновѣсіе путемъ увеличенія «работы». Авенариусъ не употребляетъ термина «жизненная задача», но именно таково его пониманіе даннаго процесса, потому что онъ считаетъ, что перевѣсъ «питанія» непрерывно уменьшаетъ «жизнесохранимость» системы («Vital Erhaltungswert»), и только соотвѣтственнымъ возрастаніемъ «работы» это уменьшеніе «жизнесохранимости» можетъ

1) Авенариусъ занимается въ своемъ изложеніи только „системой С“, центральнымъ нервнымъ аппаратомъ, и даже большей частью составляющими его «частичными системами» («Partialsystem»). Система С и для насъ представляетъ наибольшій интересъ, но принимая принципиальную однородность жизненныхъ процессовъ, мы беремъ, расширяя задачу, болѣе общія формулировки.

быть сведено до minimum. Въ этомъ смыслѣ для него совершенно однородны оба случая—и перевѣсъ «питанія» надъ «работой», и перевѣсъ «работы» надъ «питаніемъ».

Прежде всего, намъ надо устранить изъ изслѣдованія грубо-материалистическій и неточный терминъ «питаніе» («Ernährung»). Процессъ питанія есть только главный путь ассимиляціи внѣшней энергіи системою, но не единственный путь. Есть всѣ основанія думать, что энергія, напр., мелкихъ возбужденій, достигающихъ центрального аппарата по нервнымъ проводникамъ, можетъ ассимилироваться нервными клѣтками, повышая запасъ ихъ потенциальной энергіи. Терминъ «питаніе» безъ нужды затемняетъ дѣло, заставляя постоянно видѣть въ процессѣ жизненной ассимиляціи—усвоеніе матеріальныхъ частицъ, тогда какъ дѣло идетъ о потокѣ энергіи, для котораго такія частицы являются лишь одною изъ обычныхъ формъ.—Менѣе неудобенъ второй терминъ «работа»; но и онъ заставляетъ думать не о всѣхъ возможныхъ типахъ дезассимиляціи, а главнымъ образомъ объ одномъ—объ иннервационномъ процессѣ; и ужъ во всякомъ случаѣ съ нимъ трудно связать, напр., ту непрерывную затрату энергіи клѣтокъ, которая выражается въ разсѣяніи тепла; а игнорировать такіе пути дезассимиляціи нельзя, и нельзя окончательно отъ нихъ отвлечься, потому что жизненный процессъ есть прежде всего процессъ интегральный, динамическое цѣлое.

Перевѣсъ «питанія» надъ «работой» легко можно понимать въ такомъ смыслѣ, что жизненной системѣ доставляются извнѣ запасы энергіи, которыхъ она не успѣваетъ ассимилировать, которые ее какъ бы загромождаютъ, нарушая теченіе ея жизнедѣятельности, вызывая усиленную растрату ея энергіи. Въ этомъ истолкованіи «жизнеразность» съ перевѣсомъ «питанія» окажется, конечно, жизненно-вреднымъ фактомъ, и ея устраненіе необходимо, чтобы поддержать «жизнесохранимость». Но ясно, что самое понятіе «жизнеразности» примѣнено тогда неправильно. «Жизнеразность» есть разность двухъ жизненныхъ величинъ; но эти величины должны быть строго однородны—только тогда формула вычитанія имѣетъ научное значеніе. Если же сдѣлать уменьшаемымъ—количество извнѣ доставленной системѣ энергіи, которую ей еще только предстоитъ ассимилировать, которая, слѣдовательно, является пока еще *чуждой, посторонней* для ея жизненнаго процесса, а вычитаемымъ—количество энергіи, кото-

рая затрачивается системою, энергіи, которая уже *принадлежит* системѣ, есть *ея собственная* энергія, то въ вычитаніи окажутся сопоставлены двѣ жизненно-разнородныя величины, и формула «жизнеразности» не имѣетъ научнаго значенія. Надо сопоставлять дѣйствительно происходящую ассимиляцію энергіи системою съ дѣйствительно происходящей дезассимиляціей—тогда только понятіе «жизнеразности» пригодно для анализа. Въ своихъ опредѣленіяхъ Авенаріусъ, несомнѣнно, склоняется къ послѣднему, болѣе научному понятію жизнеразности; но въ своихъ выводахъ онъ постоянно переходитъ къ первому, неточному понятію, и картина жизни системы С выступаетъ въ очень невѣрномъ освѣщеніи.

Для Авенаріуса представляется безспорнымъ, что перевѣсъ ассимиляціи надъ дезассимиляціей—мы назовемъ это «положительной» жизнеразностью, и перевѣсъ дезассимиляціи надъ ассимиляціей—жизнеразность отрицательная,—имѣютъ принципиально одинаковое значеніе, именно—приближаютъ систему къ гибели или дегенерации, словомъ—означаютъ *неприспособленность*. Съ біологической точки зрѣнія такой взглядъ, хотя до сихъ поръ еще очень распространенный между фізіологами, представляется совершенно недопустимымъ; онъ противорѣчитъ и общей концепціи прогресса жизни, и конкретнымъ фактамъ развитія.

Положительная жизнеразность, преобладаніе ассимиляціи означаетъ во всякомъ случаѣ возрастаніе энергіи системы, именно потенциальной энергіи, которая можетъ затѣмъ тратиться въ жизненномъ процессѣ. Очевидно, что въ борьбѣ за жизнь система должна, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сохраняться тѣмъ дольше, побѣждать тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше энергіи она способна затратить на эту борьбу, чѣмъ выше сумма потенциальныхъ силъ, которыми располагаетъ система. Поэтому именно положительныя жизнеразности представляютъ изъ себя *количественную сторону біологическаго прогресса*. Наоборотъ, жизнеразность отрицательная, перевѣсъ затратъ энергіи, ведетъ къ пониженію потенциальной энергіи системы, къ уменьшенію ея силъ въ жизненной борьбѣ; это *количественная деградація системы*. Оба типа явленій взаимно противоположны по жизненному значенію, и ихъ нельзя ставить подъ одну скобку.

Всю первую половину жизненнаго цикла организма, отъ за рожденія до полной зрѣлости, съ полнымъ основаніемъ принято

считать прогрессивной эволюціей, возрастаніемъ жизнеспособности организма, силы его сопротивленія въ жизненной борьбѣ съ внѣшней природою. Между тѣмъ вся эта половина эволюціи въ своей основѣ имѣетъ *положительныя жизнеразности*, перевѣсъ ассимиляціи, то накопленіе энергіи, которое обозначается, какъ «процессъ роста» организма.—Когда же преобладаніе переходитъ на сторону отрицательныхъ жизнеразностей, начинается вторая половина жизненнаго цикла: энергія системы шагъ за шагомъ падаетъ, система деградируетъ.

Чтобы устранить еще нѣкоторые сомнѣнія въ вопросѣ о томъ, какъ слѣдуетъ истолковать эти основные жизненные факты, я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ, написанныхъ мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ другой работѣ ¹⁾.

«...эпоха относительнаго равновѣсія—зрѣлый возрастъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха наибольшей приспособленности системы. Не слѣдуетъ ли вывести изъ этого, что равновѣсіе системы и должно признаваться ея «идеальнымъ состояніемъ»?

«Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько такая мысль неправоильна, достаточно вспомнить тѣ случаи, когда жизненное равновѣсіе достигается преждевременно. Если процессъ роста задерживается въ дѣтскомъ возрастѣ, не доходя до нормы, то равновѣсіе системы выступаетъ въ соединеніи съ весьма невысокой жизнесохранимостью; жизнесохранимость эта значительно меньше той, которая наблюдается при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, но при обычномъ перевѣсѣ «питанія» надъ «работою».

«Впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ утверждать, что высокая приспособленность зрѣлаго возраста зависитъ именно отъ того, что устранены нормальныя жизнеразности дѣтства и юности перевѣсъ «питанія» надъ «работою». Вѣроятно, всякій согласится, что здѣсь высокая приспособленность достигается въ значительной мѣрѣ именно *благодаря* этимъ жизнеразностямъ, *благодаря* тому возрастанію энергіи системы, которое ими создано».

Все это представляется довольно элементарнымъ и безспорнымъ. Но такова ли точка зрѣнія Авенариуса? Вотъ что говорить онъ въ своей «*Kritik der reinen Erfahrung*» (I B, S. 63—64):

¹⁾ «Познаніе съ историческ. точки зрѣнія», 1901, стр. 19. Тамъ этотъ же вопросъ о значеніи жизнеразностей—разсмотрѣнъ мною, но мимоходомъ, сравнительно бѣгло и сжато.

«Aus dem Mutterschoss, diesem Sanktuarium der Erhaltung, wird das Kind vertrieben: ausgestossen in eine fast absolut andere neue, ungewohnte, nur zum Teil noch erhaltungsfreundliche Umgebung. Nun ist es ausgesetzt den Änderungen, die ihm aus der Umgebung und deren Wandlungen erwachsen; und ausgesetzt wird es alsbald sein den Schicksalen, welche ihm die typischen Änderungen des eigenen Entwicklungsganges aufdrängen.

«Und das heisst: das System C ist durch die Geburt aus einer an näherend idealen Umgebung in eine nicht-ideale Umgebung versetzt worden.

«...Und unsere Aufgabe wird somit zunächst darauf gerichtet sein, die Änderungen des Systems C zu analysieren: sofern sie als *Verminderung* des vitalen Erhaltungswertes des Systems C oder aber als Behauptungen dieses Systems unter solchen Verminderungen zu denken sind».

«Младенецъ насильственно удаляется изъ чрева матери, этого святилища сохраненія жизни, онъ выбрасывается въ новую, почти абсолютно иную среду, непривычную, только отчасти благопріятную для поддержанія его жизни. Тутъ онъ подвергается измѣненіямъ, которыя возникаютъ для него изъ условій среды съ происходящими въ ней перемѣнами; и затѣмъ ему предстоитъ переживать тѣ судьбы, которыя съ необходимостью навязываются ему типической послѣдовательностью измѣненій въ его собственномъ циклѣ развитія».

«Это означаетъ вотъ что: система C путемъ акта рожденія перемѣщается изъ среды приблизительно соотвѣтствующей идеалу въ среду неидеальную.

«...Наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы анализировать измѣненія системы, и именно постольку, поскольку ихъ приходится разсматривать либо какъ *уменьшенія* жизнесохранимости системы C, либо какъ акты *поддержанія* этой системы при наличности (среди) такихъ уменьшеній».

Такимъ образомъ для Авенариуса съ самаго рожденія ребенка начинаются «уменьшенія жизнесохранимости», которыя идутъ вплоть до наступленія смерти и, къ счастью, ею заканчиваются. Куда же дѣвается съ этой точки зрѣнія весь періодъ прогрессивной эволюціи человѣка ¹⁾? Сущность дѣла заключается въ

¹⁾ ,...не слѣдуетъ ли признать жизнесохранимость младенца большею, чѣмъ жизнесохранимость взрослого, потому что первый можетъ еще прожить

абсолютно характеръ самаго понятія жизнесохранимости у Авенариуса.

«Da, wie das ganze System C, so auch seine Bestandteile, bez. seine Formelemente, entstehend und vergehend gedacht werden somuss—wenn für irgend einen Zeitpunkt der verlangte denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems C angenommen wird mit demselben eine *absolute* Erhaltung *aller* centralen Partialsysteme, bez. Formelemente, angenommen werden; d. h. der denkbar grösste vitale Erhaltungswert des Systems C ist als die Summe der denkbar grössten Erhaltung aller seiner Bestandteile, bez. Formelemente, zu denken». («Kritik der reinen Erfahrung», I B, S. 66).

«Какъ систему C въ ея ея цѣломъ, такъ и ея составныя части—соотвѣтственно этому, и ея форменные элементы (клетки А. Б.) мы представляемъ въ процессѣ возникновенія и разрушенія; по-этому, *если* для какого-нибудь момента времени мы принимаемъ означенную наибольшую мыслимую величину жизнесохраненія, то тѣмъ самымъ мы принимаемъ *абсолютное* сохраненіе *всѣхъ* частичныхъ системъ центральнаго аппарата и, соотвѣтственно этому, *всѣхъ* форменныхъ элементовъ; другими словами, идеальная наибольшая жизнесохранимость системы C должна мыслиться, какъ сумма идеально-наибольшей жизнесохранимости *всѣхъ* ея составныхъ частей,—*всѣхъ* ея форменныхъ элементовъ».

Оперируя съ такими «абсолютными» величинами, нельзя, разумѣется, дать вѣрной картины прогрессивнаго развитія жизни: всякое, даже самое цѣлесообразное для жизненной борьбы измѣненіе системы представится, какъ нарушеніе, какъ «уменьшеніе» («Verminderung») абсолютнаго сохраненія жизни, котораго нигдѣ не наблюдается въ природѣ. Въ сущности, даже съ ло-

лѣтъ 70, а второй, сверхъ своихъ 30, врядъ ли проживетъ болѣе 40 лѣтъ? Но тутъ надо принять во вниманіе вотъ что: шансы младенца на 70 лѣтъ жизни очень малы, напр., 1 изъ 50—60; а шансы взрослога на 40 лѣтъ жизни довольно велики, напр., 1 изъ 5—6. Обобщающая тенденція науки не позволяетъ намъ считать первую величину жизнесохранимости больше второй: это значило бы—придать больше значенія частнымъ случаямъ, чѣмъ общему правилу. Изъ сопоставленія можно вывести только одно: что жизнесохранимость младенца *еще можетъ возрасти* въ процессѣ его развитія, а для взрослога она уже близка къ maximum, и врядъ ли еще увеличится: поэтому первый *при благоприятныхъ условіяхъ* и проживетъ дольше».

(„Познаніе съ истор. точки зр.“, стр. 18, примѣч.).

гической стороны эта концепція очень сомнительна: гдѣ есть абсолютный консерватизмъ, тамъ *нѣтъ жизни*, потому что жизнь немыслима безъ представленія активности, борьбы со внѣшней средою; а гдѣ нѣтъ жизни, тамъ неправильно и говорить о какой бы то ни было «величинѣ сохраненія жизни».—Но даже оставляя это въ сторонѣ, концепція идеальнаго консерватизма совершенно несостоятельна съ біологической точки зрѣнія.

Съ тѣхъ поръ какъ эволюціонныя идеи проникли въ область наукъ о жизни, статическое представленіе о неизмѣнныхъ, абсолютно установленныхъ формахъ жизни дѣлалось все болѣе непригоднымъ, и день сто дня вытѣснялось изъ научнаго мышленія. Дарвинизмъ, наконецъ, довершилъ гибель этого представленія, показавши, что условіемъ дѣйствительнаго сохраненія жизни является, вообще говоря, *измѣненіе* ея формъ. Только прогрессивное приспособленіе къ средѣ съ ея непрерывно измѣняющимися вліяніями гарантируетъ всякой данной формѣ жизни ея сохраненіе; и это сохраненіе означаетъ, конечно, не абсолютный, а только относительный консерватизмъ. Но за то оно можетъ означать и нѣчто большее, чѣмъ какой бы то ни было консерватизмъ—именно, возрастаніе, прогрессъ жизни. Задача біомеханики понять этотъ прогрессъ, дать его вѣрное и стройное изображеніе для познающаго. Разъ такая задача поставлена, формулы, построенныя на идеѣ абсолютнаго консерватизма, становятся познавательнo бесполезны.

Самъ Авенариусъ оказывается не въ состояніи строго выдержать ту точку зрѣнія, на которую онъ сталъ благодаря непригодной абстракціи «абсолютнаго сохраненія системы». Между тѣмъ какъ во всей почти своей работѣ онъ видитъ въ ходѣ жизненныхъ колебаній только «уменьшенія жизнесохранимости» и «поддержаніе (Behauptungen) системы среди такихъ уменьшеній», въ главѣ о «конгрегальныхъ системахъ» (коллективностяхъ, какъ напр., семья, общество) у него выступаетъ неожиданно «увеличеніе жизнесохранимости» («Kr. d. rein. Erf.», I B. S. 165):

«...je mehr sich die Teilsysteme im Sinne gegenseitiger Vermehrung des vitalen Erhaltungswertes behaupten, desto günstiger sind die Bedingungen für die Erhaltung des Gesamtsystems».

«Чѣмъ болѣе самосохраненіе частичныхъ системъ (напр., отдельныхъ личностей. А. Б.) совершается въ такомъ направленіи,

кто онѣ взаимно увеличиваютъ свою жизнесохранимость, тѣмъ благопріятнѣе условія для сохраненія всей системы» ¹⁾).

Въ оправданіе своей мысли, что *всякая* жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность системы, Авенаріусъ указываетъ на нѣкоторые конкретные факты. Но факты эти частью невѣрно истолкованы, частью говорятъ противъ мнѣнія Авенаріуса.

Всѣ тѣ случаи, когда жизненной системѣ *доставляется* слишкомъ много «питанія» при сравнительно нормальной «работѣ», и когда она вслѣдствіе этого разстраивается, оказывается неприспособленной,—всѣ эти случаи не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу. Мы уже указали, что доставка питанія совсѣмъ не то, что его ассимиляція, и не можетъ разсматриваться, какъ одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго равновѣсія; когда доставляемое извнѣ питаніе не ассимилируется тканями, то оно остается въ нихъ, какъ инородное тѣло, въ видѣ, напр., жировыхъ отложеній, и стѣсняя жизнедѣятельность тканей, легко можетъ вести къ ихъ атрофіямъ, и перерожденіямъ; но при этомъ тѣло будетъ итти именно о чрезмѣрной растратѣ энергіи живыми тканями, благодаря хронически дѣйствующему вредному вліянію а не о чрезмѣрной ассимиляціи. А когда ассимиляція повышеннаго питанія удается, и не покрывается повышенными затратами, тогда наблюдаются только явленія *роста*, въ которыхъ нельзя видѣть неприспособленности.

Частный случай такого же рода представляетъ приводимый Авенаріусомъ психіатрической примѣръ—маніакальная экзальтація и манія. При нихъ главное фізіологическое явленіе—это гиперемія мозга, «also eines zuviel an Ernährung» («стало быть, излишекъ въ питаніи»), замѣчаетъ Авенаріусъ. Но въ томъ-то и тѣло, что гиперемія означаетъ лишь усиленную *доставку* питанія, а не его повышенную ассимиляцію, и терминъ «питаніе», взятый въ его вульгарномъ значеніи, явнымъ образомъ спутываетъ мыслителя. Происходитъ ли дѣйствительная ассимиляція той массы

¹⁾ Надо замѣтить, что глава о „конгрегальныхъ системахъ“ какъ-то выдѣляется среди „Критики чистаго опыта“: въ то время, какъ остальные части работы имѣютъ сильно выраженную нео-ламаркистскую окраску, въ этой главѣ преобладаетъ дарвинистическая точка зрѣнія. Къ сожалѣнію, идеи, намѣченныя въ этой главѣ, слишкомъ мало примѣняются въ остальной работѣ.

сырого матеріала, которая при маніи доставляется мозгу кровеносной системой, или, напротивъ, нервнымъ клѣткамъ приходится растрчивать массу энергіи, чтобы только освободиться отъ загромождающаго ткани и стѣсняющаго ихъ жизнедѣятельность неусвоеннаго матеріала? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ врядъ ли возможны сомнѣнія—всякая живая клѣтка можетъ ассимилировать питаніе лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, а тѣмъ болѣе нѣжная гангліозная клѣтка головного мозга, да еще при такомъ неблагопріятномъ условіи, какъ длительное увеличеніе внутричерепного давленія.

Но этотъ примѣръ при ближайшемъ анализѣ еще болѣе очевиднымъ образомъ говоритъ противъ Авенаріуса. Въ началѣ развитія маниакальной экзальтаци, пока гиперемія еще не очень сильна, и клѣткамъ удается ассимилировать избыточное питаніе, организмъ проявляетъ временное повышеніе жизни, патологическій характеръ котораго обнаруживается лишь въ дальнѣйшемъ, въ началѣ дѣло сводится только къ нѣкоторому пріятному возбужденію, которое сопровождается скорѣе повышеніемъ, чѣмъ пониженіемъ физическаго здоровья; жизненная упругость тканей возрастаетъ, мускульная сила увеличивается, общій видъ человѣка улучшается; все это, и особенно хорошее самочувствіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что передъ нами—нѣкоторое *возрастаніе непосредственной приспособленности*, а не ея уменьшеніе. Между тѣмъ вопросъ заключается именно въ *непосредственномъ*, прямомъ значеніи данной жизнеразности; если же затѣмъ выступаютъ яркія явленія настоящей болѣзни—неприспособленности, то вѣдь и жизнеразность измѣняетъ свой знакъ—изъ положительной переходитъ въ отрицательную: нервная ткань уже не можетъ справляться съ массою матеріала, приносимаго кровью, и онъ нарушаетъ всю ея жизнедѣятельность, да кромѣ того, громадное количество энергіи тратится на безчисленныя импульсивныя движенія, въ результатѣ которыхъ ткани еще отравляются возникающими въ чрезвычайно увеличеннхъ размѣрахъ продуктами жизненнаго распада функционирующихъ тканей. Словомъ, пока ассимиляція преобладаетъ, жизнь непосредственно повышается; когда получаетъ перевѣсъ дезассимиляція—жизнь падаетъ. Съ точки зрѣнія Авенаріуса совершенно нельзя объяснить состоянія больного на первыхъ стадіяхъ маниакальной экзальтаци.

Наибольшее значеніе Авенаріусъ придаетъ тому общему факту, что *недостатокъ работы* ведетъ къ вырожденію и гибели форменныхъ элементовъ. Но здѣсь достаточно небольшого анализа, чтобы увидѣть коренную ошибку. Ткани, которыя недостаточно работаютъ, какъ указываетъ самъ Авенаріусъ, *атрофируются*, т.-е. во всякомъ случаѣ теряютъ энергію, слѣдовательно—«питаются» недостаточно, ассимилируютъ меньше, чѣмъ дезассимилируютъ (самое слово «атрофія» означаетъ недостатокъ питанія). И это вполне понятно: работа есть необходимый *физиологическій стимулъ* питанія, и вообще ассимиляции; ткань, которая очень мало работаетъ, еще меньше питается, и оттого-то она не растетъ (какъ было бы при дѣйствительномъ перевѣсѣ «питанія»), а уменьшается и становится дряблой. Отложенія жира, которыя при этомъ большей частью получаютъ, отнюдь не означаютъ излишка ассимиляции: это инородное тѣло для ткани.

Несомнѣнно, что бывають случаи, когда продолжительный перевѣсъ ассимиляции ведетъ къ кризисамъ, и даже гибели жизненной системы; но и эти факты при ближайшемъ изслѣдованіи не подтверждаютъ взгляда Авенаріуса. Дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ, пока ассимиляция дѣйствительно преобладаетъ, организмъ благоденствуетъ. Поворотъ въ состояніи организма совпадаетъ съ поворотомъ жизнеразностей. Послѣ ряда лѣтъ привольной жизни наступаетъ пресыщеніе или сплинъ. Является хроническое сжатіе мелкихъ сосудовъ—судорожное состояніе вазомоторной системы: затрачивается масса нервной энергіи на это повышеніе иннервации безчисленныхъ кольцевыхъ мускульныхъ волоконъ, окружающихъ мелкіе сосуды, и въ то же время уменьшается поверхность, черезъ которую происходитъ питаніе тканей. Положительныя жизнеразности смѣняются отрицательными—«благо во зло обратилось». Но пока превращеніе не произошло, оно было все-таки «благомъ», а не «зломъ» ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь, слѣдовательно, причина кризиса не прямо въ положительныхъ жизнеразностяхъ, а въ измѣнившемся мало-по-малу, на ихъ почвѣ, строеніи системы, которая, наконецъ, оказывается дисгармоничной. Это „явленіе вполне одного типа съ общими кризисами капиталистическаго производства. Ростъ производительныхъ силъ есть фактъ, вообще, благопріятный для жизнеспособности общества, какъ и возрастаніе энергіи центральнаго нервнаго аппарата—для его жизнеспособности. Но, совершаясь не гармонически... ростъ производительныхъ силъ можетъ вызвать такое измѣненіе во внутреннихъ

Такимъ образомъ, мы должны строго различать жизнеразность положительную, которая имѣетъ непосредственно-прогрессивное значеніе для жизни, и «отрицательную», значеніе которой непосредственно-регрессивно.—*Косвенное*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *конечное* значеніе той или другой можетъ быть и иное: повышение энергіи системы можетъ вести за собою нарушеніе стройности ея функций, а пониженіе энергіи — возстановленіе этой стройности; но тогда это и выражается въ случаяхъ перваго рода — послѣдующимъ пониженіемъ энергіи системы, въ случаяхъ втораго рода — наоборотъ. Но и въ такихъ *колебаніяхъ* приспособленности непосредственное жизненное значеніе жизнеразностей остается все то же, положительное или отрицательное соотвѣтственно ихъ знаку—плюсъ или минусъ.

II.

Вопросъ о жизнеразностяхъ положительныхъ и отрицательныхъ въ настоящій моментъ интересуется насъ лишь постольку, поскольку возможно установить опредѣленную и необходимую ихъ связь съ «непосредственными переживаніями». При этомъ, само собой разумѣется, дѣло можетъ пока идти только о самыхъ общихъ и основныхъ выраженіяхъ зависимости.

Всѣмъ безъ исключенія переживаніямъ свойственно то, что психо-физиологи называютъ обыкновенно «чувственнымъ тономъ», и что Авенаріусъ обозначаетъ терминомъ «аффеціональ» — окраска удовольствія и страданія ¹⁾. Окраска эта имѣетъ явно количественный характеръ: удовольствіе, страданіе, находимыя въ данномъ переживаніи, могутъ быть «больше» или «меньше»; различіе же между «удовольствіемъ» и «страданіемъ» есть различіе алгебраическаго знака: какъ величины положительная и отрицательная, удовольствіе и страданіе, соединяясь въ полѣ пси-

отношеніяхъ системы, которое является причиной послѣдующихъ громадныхъ растратъ общественно-трудоу энергіи, растратъ совершенно непроеизводительныхъ. Такъ же обстоитъ иногда дѣло съ накопленіемъ энергіи въ отдѣльной нервной системѣ“. („Познаніе съ исторической точки зрѣнія“, стр. 20—22, примѣч.).

1) Такъ назыв. „безразличный чувственный тонъ“ есть, очевидно, лишь предѣльная величина, гдѣ удовольствіе, уменьшаясь, переходитъ въ начинающееся страданіе, или обратно („Indifferenzpunkt“ Вундта).

хического опыта, взаимно уменьшаютъ или уничтожаютъ другъ друга.

Различается немало «качественныхъ» отгѣнковъ удовольствія и страданія, но это не мѣшаетъ тому, что какъ величины всѣ «удовольствія» и всѣ «страданія» взаимно сравнимы, соизмѣримы ¹⁾, хотя, разумѣется, такое сравненіе тѣмъ труднѣе для наблюдателя, чѣмъ различнѣе «качественные» отгѣнки. Наша же задача заключается, къ счастью, не въ такихъ сравненіяхъ, а въ выясненіи самой общей зависимости между алгеброй аффекціонала и алгеброй жизнеразностей.

Вопросъ о біологическомъ значеніи чувственного тона не можетъ вызывать особенныхъ сомнѣній: такъ какъ удовольствіе есть то, къ чему организмъ стремится, а страданіе — то, чего онъ избѣгаетъ, то съ эволюціонной точки зрѣнія, удовольствіе должно означать нѣкоторое повышеніе жизни, а страданіе — ея пониженіе; если бы дѣло обстояло иначе, то организмъ имѣлъ бы фальшиваго руководителя въ своихъ стремленіяхъ, и неминуемо скоро погибалъ бы. Конечно, и въ дѣйствительности этотъ руководитель не идеально надеженъ — удовольствія бываютъ иногда вредны по результатамъ, страданія полезны; но въ общемъ совпаденіе пріятнаго съ жизненно-полезнымъ и непріятнаго съ жизненно-вреднымъ достигается, безспорно, въ достаточной мѣрѣ.

Представляя изъ себя *непосредственную* характеристику переживаній, удовольствіе и страданіе означаютъ, очевидно, непо-

¹⁾ Позволю себѣ привести поясненіе изъ одной прежней моей работы:

„Не всѣ соглашаются съ этимъ: опираясь на свидѣтельство своего непосредственного сознанія, нѣкоторые находятъ, что существуютъ и несравнимые по своей разнородности типы явленій «чувства»; такъ, несравнимыми признаются удовольствія возвышенныя и низменныя, то, напр., которое вытекаетъ изъ благороднаго поступка, и то, которое получается отъ стакана водки. Однако опытъ показываетъ, что и для такихъ разнородныхъ формъ „чувства“ количественное сравненіе возможно, такъ какъ, напр., по отношенію къ приведенному случаю многіе способны задать себѣ и разрѣшить въ ту или другую сторону вопросъ, какое удовольствіе больше“. („Основн. элементы историч. взгляда на природу», Спб. 1899, стр. 220).

Можно, конечно, не одобрять такихъ „соизмѣреній“ разнородныхъ формъ чувства, особенно если это дѣлается съ практической точки зрѣнія (30 серебряниковъ или жизнь учителя); но ихъ теоретическая законность несомнѣнна.

средственно-полезное и вредное для системы, именно для центрального нервного аппарата, *непосредственное* повышение или понижение его жизни. Именно такое же непосредственное значение имѣютъ въ физиологической жизни положительныя и отрицательныя жизнеразности; поэтому какъ нельзя болѣе естественно принять, что положительный чувственный тонъ, удовольствіе соотвѣтствуетъ положительной жизнеразности—повышенію энергіи системы, а отрицательный чувственный тонъ, страданіе—отрицательной жизнеразности,—пониженію энергіи. И этотъ выводъ можетъ быть подтвержденъ массою фактовъ.

Резюмируя эти факты въ сжатой формулѣ, можно сказать: изъ собственнаго опыта всякому извѣстно, что страданіе истощаетъ нервную систему, понижаетъ энергію ея жизнедѣятельности, тогда какъ удовольствіе увеличиваетъ силы, повышаетъ энергію жизнедѣятельности. Что же касается тѣхъ, несравненно менѣе многочисленныхъ случаевъ, когда наблюдается, повидимому, противоположное отношеніе, то они вполне объясняются тѣмъ, что *послѣдующіе результаты* нѣкоторыхъ жизнеразностей не соотвѣтствуютъ ихъ *непосредственному, прямому* значенію; въ зависимости отъ опредѣленной суммы условій, данное повышение энергіи можетъ повести къ гораздо большому затѣмъ пониженію и наоборотъ. Но непосредственный смыслъ всякаго аффекціонала отъ этого не измѣняется ¹⁾.

Но такъ какъ наше представленіе объ аффекціоналѣ вытекаетъ изъ принятаго нами взгляда на жизнеразности, то вполне естественно, что иное пониманіе жизнеразностей должно вести

---

¹⁾ Не всѣ переживанія, а только ихъ меньшая часть попадаетъ въ поле психическаго опыта, въ сферу самонаблюденія. Поэтому весьма нерѣдко фактическое повышение энергіи нервной системы совершается безъ замѣтныхъ чувствованій удовольствія, фактическое пониженіе—безъ замѣтныхъ чувствованій страданія. Такой именно смыслъ имѣютъ тѣ случаи, когда человекъ послѣ долгаго ряда наслажденій, самъ того не замѣчая, переходитъ къ состоянію глубокой расслабленности, или когда онъ изъ цѣлой массы безпросвѣтныхъ, казалось бы, страданій выходитъ болѣе сильнымъ и энергичнымъ, чѣмъ былъ раньше. Въ глубинѣ стихійно-органическихъ явленій, въ области неопредѣленныхъ изолированныхъ переживаній совершаются самые важные процессы накопленія и растраты жизни, которымъ психическій опытъ подводитъ затѣмъ итоги, прибавляя свои собственные слагаемыя. Въ этомъ ярко выражается принципиальная однородность „сознанія“ и „безсознательнаго“.

и къ иной точкѣ зрѣнія на аффекціональ. Для Авенариуса всякая жизнеразность означаетъ непосредственную неприспособленность; поэтому у него удовольствіе означаетъ уменьшеніе или прекращеніе какой бы то ни было жизнеразности, а страданіе—возникновеніе жизнеразности или ея возрастаніе. Это совершенно логичный выводъ изъ невѣрной посылки, и какъ таковой, онъ не можетъ не стоять въ противорѣчїи съ дѣйствительностью.

Нѣкоторую біологическую несообразность этого вывода легко замѣтитъ уже съ перваго взгляда. Если въ системѣ устанавливается опредѣленная жизнеразность—положимъ, отрицательная, которая долгое время держится на одной высотѣ, или очень мало колеблется въ ту и другую сторону, то аффекціональ долженъ отсутствовать. Между тѣмъ, ясно, что система при этомъ идетъ къ разрушенію, и если жизнеразность велика, то очень быстро. Аффекціональ не даетъ организму никакихъ указаній; между тѣмъ именно отъ него зависитъ направленіе дальнѣйшихъ жизненныхъ проявленій системы, онъ—стимуль ея борьбы противъ неблагоприятныхъ условій. Ясно, что онъ оказывается біологически-несостоятеленъ—результатъ, во всякомъ случаѣ, довольно мало вѣроятный.

Существуетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда окраска удовольствія соединяется съ несомнѣннымъ нарушеніемъ, имѣвшагося на-лицо относительнаго равновѣсія системы: это всѣ «прїятныя неожиданности». Человѣкъ находится въ спокойномъ, безразличномъ настроеніи; и вдругъ почта приносить ему извѣстіе, котораго онъ вовсе не ожидалъ, но которое кажется ему очень хорошимъ; или вдругъ случайная комбинація мелкихъ обстоятельствъ наталкиваетъ его на открытіе, къ которому онъ вовсе не стремился, но которое кажется ему цѣннымъ. Какія при этомъ устраняются жизнеразности? Совершенно наоборотъ, онѣ возникаютъ, но это—положительныя жизнеразности. Да и вообще картина фізіологическихъ проявленій радости, по сравненію со спокойнымъ состояніемъ организма, всего меньше говоритъ объ устраненіи жизнеразностей, о приближеніи къ идеальному равновѣсію. Расширеніе мелкихъ и мельчайшихъ сосудовъ мозга—основной, по указанію Meunert'a, симптомъ прїятныхъ эмоцій (если даже откинуть его гипотезу объ усиленіи «нутритивной аттракціи» между тканью мозга и кровью) съ очевидностью говоритъ объ увеличеніи ассимиляціи въ центральномъ аппаратѣ; и только

какъ производное явленіе выступаетъ затѣмъ возрастаніе также и затратъ энергіи, въ видѣ повышенія произвольной иннерваціи (движенія, выражающія радость).

Со стороны внѣшнихъ проявленій эмоцію радости очень напоминаетъ состояніе маниакальной экзальтаціи. Самъ Авенаріусъ, какъ мы видѣли, указываетъ на эту болѣзнь, какъ на примѣръ, отрицательнаго значенія той жизнеразности, которая заключается въ перевѣсѣ «питанія». Странно, какъ Авенаріусъ не замѣтилъ, что этотъ примѣръ прямо подрываетъ принятую имъ теорію аффекціонала. Вѣдь самочувствіе больного, особенно въ началѣ болѣзни, когда еще только возникаетъ гиперемія мозга, а съ ней и положительная жизнеразность, бываетъ *пріятное*. По Авенаріусу, оно должно было бы оказаться непріятнымъ.

Особенно трудно понять, съ точки зрѣнія разбираемой теоріи, дѣйствіе наркотическихъ ядовъ на психическую систему. Начальныя стадіи этого дѣйствія характеризуются пріятнымъ возбужденіемъ. Значитъ ли это, что, напр., морфіи или алкоголь, отравляя нервную систему, приближаетъ ее къ идеальному равновѣсію ассимиляціи съ дезассимиляціей? Но для этого надо принять, что такіе яды имѣютъ два противоположныхъ фізіологическихъ дѣйствія: относительное увеличеніе ассимиляціи при перевѣсѣ дезассимиляціи, и ея уменьшеніе, когда она преобладаетъ надъ дезассимиляціей. Болѣе чѣмъ натянутое истолкованіе фактовъ. Гораздо вѣроятнѣе, что дѣло сводится просто къ временному повышенію энергіи системы (разумѣется, только временному).

Не подлежитъ сомнѣнію, что отрицательныя эмоціи въ основѣ имѣютъ отрицательную жизнеразность. Печаль, напр., въ своихъ фізіологическихъ проявленіяхъ, безспорно, указываетъ на недостаточную ассимиляцію: сжатіе мелкихъ артерій и капилляровъ, съ усиленіемъ, слѣдовательно, иннерваціонныхъ затратъ въ вазомоторной системѣ и съ уменьшеніемъ поверхности питанія тканей составляетъ основную черту эмоціи. Отъ этого и зависитъ истощающее дѣйствіе печали на нервную систему. Предположимъ теперь, что эмоція печали выступаетъ при наличности общаго перевѣса ассимиляціи; въ такомъ случаѣ начало эмоціи пока она только устраняетъ это неравенство, и приближаетъ систему къ равновѣсію—должно имѣть *пріятную* окраску. Дѣйствительность однако не даетъ намъ такого психо-фізіологическаго абсурда.

Легко видѣть, что всѣ указанная нами трудности вовсе не существуютъ для той точки зрѣнія, которая принята нами: факты пѣбликомъ укладываются въ ея рамки. Поэтому, если Авенариусъ и считалъ свои воззрѣнія на жизненное значеніе жизнеразностей, а стало быть и на природу аффекціонала, «*wissenschaftliches Gemeingut*»—обще-научнымъ достояніемъ, то онъ въ этомъ ошибался; правильнѣе было бы характеризовать данное воззрѣніе, какъ весьма распространенный между физиологами предразсудокъ какихъ всегда немало держится въ наукѣ¹⁾. Устраняя этотъ предразсудокъ, надо принять ту точку зрѣнія, которая является наиболѣе простой и естественной, ту, которая ясно формулирована уже Спинозой въ его «Этикѣ» (конечно, въ терминахъ «силы», а не энергіи), и которая можетъ быть въ значительной мѣрѣ связана съ воззрѣніями Мейнерта. Эту точку зрѣнія сжато можно выразить такъ:

аффекціональный знакъ переживаній совпадаетъ съ алгебраическимъ знакомъ жизнеразности.

III.

Переживанія—это величины въ полномъ смыслѣ слова. Они обладаютъ не только «знакомъ» (аффекціональнымъ—положительнымъ или отрицательнымъ), но и тѣмъ, что соотвѣтствуетъ алгебраическому понятію абсолютной величины—именно, *интенсивностью*. Правда, точное измѣреніе ихъ интенсивности представляетъ большія затрудненія,—но это не измѣняетъ принципиальнаго значенія ихъ измѣримости. Жизнеразности—также величины, онѣ измѣримы *энергетически*. Принимая постоянную связь переживаній съ жизнеразностями, мы приходимъ, слѣдовательно, къ задачѣ выяснить связь двухъ рядовъ величинъ—ряда интенсивностей для переживаній, ряда энергетическихъ

1) Наибольшая часть матеріала, сгруппированнаго въ „Критикѣ чистаго опыта“, относится къ отрицательнымъ жизнеразностямъ, которыя имѣютъ именно такое біологическое значеніе, какое Авенариусъ приписываетъ жизнеразностямъ вообще. Поэтому понятно, что противорѣчій въ его описаніяхъ оказывается далеко не такъ много, какъ можно было бы предположить въ виду ошибочности исходной точки изслѣдованія.

Замѣчу, что взглядовъ Авенариуса на вопросъ о чувственномъ тонѣ переживаній я здѣсь касался отнюдь не во всей ихъ полнотѣ, а только съ одной стороны, которая наиболѣе важна для моей задачи.

значеній для жизнеразностей. Опытъ, благодаря отсутствію точныхъ способовъ измѣренія, даетъ лишь приблизительныя и очень неопредѣленныя зависимости; переходя къ болѣе точнымъ формулировкамъ, надо заранѣе имѣть въ виду ихъ неизбѣжно-гипотетическій характеръ, конечно, съ большею или меньшею степенью вѣроятности и обоснованности.

Изъ данныхъ психо-физиологіи несомнѣнно слѣдуетъ, что интенсивности переживаній, вообще говоря, тѣмъ больше, чѣмъ больше величины жизнеразностей, и наоборотъ, но этимъ еще не дана точная формула ихъ связи: остается неизвѣстнымъ, возрастаютъ ли однѣ величины пропорціонально другимъ, или однѣ медленнѣе, чѣмъ другія, или въ какомъ-нибудь измѣняющемся отношеніи, словомъ, по какому именно закону происходитъ возрастаніе однѣхъ съ возрастаніемъ другихъ. Первое и самое естественное предположеніе, это мысль о *пропорціональности* переживаній и жизнеразностей: такъ какъ между тѣми и другими мы не можемъ представить себѣ никакихъ посредствующихъ звеньевъ, то сама собой навязывается идея о наиболѣе непосредственной и прямой связи, о взаимно пропорціональномъ измѣненіи тѣхъ и другихъ величинъ.

Но принять такую точку зрѣнія можно только въ томъ случаѣ, если въ нашемъ опытѣ не оказывается фактовъ, которые прямо бы ей противорѣчили. Между тѣмъ психофизика, *повидимому*, даетъ такіе факты; въ этомъ смыслѣ легко, *повидимому*, истолковать законъ Веберъ-Фехнера.

Психофизическій законъ Веберъ-Фехнера говоритъ, что *ощущеніе растеть пропорціонально логариему раздраженія*, другими словами, что внѣшнее воздѣйствіе на периферическіе аппараты нервной системы обусловливаетъ въ психическомъ опытѣ переживаніе *не пропорціональное* самому этому воздѣйствію, а пропорціональное только его логариему (при нѣкоторомъ опредѣленномъ основаніи). Въ болѣе простой формѣ эта зависимость выражается такъ: когда раздраженіе увеличивается въ геометрической прогрессіи, ощущеніе растеть въ арифметической; напр., если одинъ рядъ (раздраженія) представляетъ величины 1, 2, 4, 8, 16, 32 . . . , то другой (ощущенія) выразится въ соответственныхъ величинахъ 0, 1, 2, 3, 4, 5 . . . . Таково приблизительное выраженіе этого закона, имѣющаго также очень приблизительный характеръ.

Законъ Веберъ-Фехнера легко наводитъ на дуалистическія представленія объ опытѣ и познаніи; онъ какъ будто указываетъ на то, что въ психическомъ опытѣ закономерность *принципіально* иная, чѣмъ въ опытѣ объективномъ, «физическомъ»: геометрическія отношенія одной области соотвѣтствуютъ арифметическимъ отношеніямъ другой. Но такія заключенія, въ сущности, очень поспѣшны и поверхностны.

Раздраженіе не находится въ *ближайшей* связи съ ощущеніемъ; въ такой связи съ ощущеніемъ находится *жизнеразность*, вызываемая передачей раздраженія при посредствѣ нервныхъ проводниковъ центральному аппарату. А есть ли достаточныя основанія думать, что жизнеразность пропорціональна порождающему ее раздраженію? Основанія для такой мысли, по меньшей мѣрѣ, шатки.

Передача внѣшнихъ воздѣйствій въ живомъ организмѣ отнюдь не *является* грубо-механическаго характера; это крайне сложный рядъ физико-химическихъ процессовъ, въ результатѣ которыхъ могутъ получаться измѣненія центральнаго органа, ни качественно, ни количественно не стоящія въ *прямомъ и простомъ* соотношеніи съ измѣненіями периферическихъ аппаратовъ. Напротивъ, съ точки зрѣнія біологической борьбы, для жизненной устойчивости системы выгодно, чтобы болѣе сильныя воздѣйствія среды передавались въ болѣе ослабленномъ видѣ — иначе они чрезчуръ жестоко потрясали бы систему, и слишкомъ быстро ее разрушали бы; для организма, слѣдовательно, является жизненно цѣлесообразнымъ такое устройство, при которомъ жизнеразности возрастаютъ медленнѣе, чѣмъ ихъ внѣшніе стимулы, напр., хотя бы въ логариѣмическомъ отношеніи.

Съ другой стороны, логариѣмическая функція чрезвычайно распространена въ сферѣ *физическихъ* и *химическихъ* процессовъ. Она выступаетъ на сцену во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда явленіе происходитъ такъ, что скорость измѣненія выражающей его величины пропорціональна этой самой величинѣ; такова, напр., та формула, которая примѣнима при «физическихъ» и «химическихъ» реакціяхъ растворенія, гдѣ скорость реакціи уменьшается съ уменьшеніемъ количества того вещества, которое еще можетъ быть растворено; или при охлажденіи тѣла въ средѣ съ постоянной температурой, гдѣ скорость охлажденія уменьшается по мѣрѣ уменьшенія разности температуръ тѣла и его среды и т. под.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ промежутокъ времени между двумя опредѣленными фазами процесса оказывается пропорціоналенъ логариѳму величины, выражающей геометрическое отношеніе этихъ фазъ ¹⁾. И въ занимающемъ насъ вопросѣ важно выяснить, нѣтъ ли какихъ-нибудь указаній на то, что логариѳмическое отношеніе выражаетъ зависимость между различными физиологическими процессами, а не прямо между физиологическими и психическими.

Нетрудно убѣдиться, что для такой мысли есть серьезныя основанія. Прежде всего, присмотримся къ той суммѣ экспериментальныхъ данныхъ, которая резюмируется въ законѣ Веберъ-Фехнера.

Опыты изслѣдователей были поставлены такъ. На опредѣленную чувствительную поверхность—прилагалось опредѣленной величины раздраженіе, напр., данный ограниченный участокъ кожи подвергался давленію пластинки, нагруженной гириями данного вѣса. При этомъ лицо, надъ которымъ производится опытъ, получаетъ, конечно, нѣкоторое опредѣленное ощущеніе. Затѣмъ увеличиваютъ силу раздраженія, въ нашемъ примѣрѣ величину груза, до такихъ размѣровъ, чтобы перемѣна въ величинѣ дѣйствующей силы, именно, внѣшняго давленія, была только едва ощутима, но уже ощутима для субъекта опытовъ. Такихъ экспериментовъ выполняютъ очень большое количество, съ различной величины раздраженіями, по отношенію къ различнымъ органамъ внѣшнихъ чувствъ. При раздраженіяхъ болѣе или менѣе обычныхъ—средней силы, всюду оказывается, что минимальная доступная сознанію разница въ ощущеніи получается тогда, когда раздраженіе увеличивается на опредѣленную часть своей величины, для каждаго данного органа приблизительно одинаковую. Напр., для осязанія, чувства температуры, а также слуха минимальная замѣтная разница ощущенія получается тогда, когда раздраженіе увеличено на $\frac{1}{3}$, для мускульнаго чувства—на $\frac{1}{17}$, для зрѣнія—на $\frac{1}{100}$ (все это приблизительно, такъ какъ опыты, очевидно, не могутъ быть особенно точны). Если считать тотъ minimum ощущенія, который уже отмѣчается сознаніемъ, за единицу ощущенія, и алгебраически выразить найденную связь

¹⁾ См. напр., Nernst und Schönflies „Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften“, главы объ „Exponentialfunction“, объ „Verlauf der unvollständigen Reactionen“, и т. д.

ряда раздраженій и ряда ощущеній, то получится именно законъ Веберъ-Фехнера.

Такъ обстоитъ дѣло, какъ мы сказали, для болѣе или менѣе обычныхъ раздраженій—средней силы. Для самыхъ слабыхъ и самыхъ сильныхъ раздраженій формула закона оказывается совершенно неточною: знаменатель прогрессіи съ каждымъ шагомъ мѣняется, именно увеличивается въ ту и въ другую сторону, такъ что для полученія минимальной разницы въ ощущеніи раздраженіе должно возрасти сильнѣе, чѣмъ по формулѣ. Наконецъ, ниже извѣстной границы раздраженіе уже совсѣмъ не вызываетъ ощущенія; выше другой границы, ощущеніе, достигшее maximum, перестаетъ возрастать замѣтно для сознанія.

Вся эта картина всего меньше способна внушить мысль о различныхъ типахъ закономерности для физическаго и психическаго міра, потому что никакое опредѣленное соотношеніе въ ней не выдерживается съ достаточной полнотой и строгостью. Скорѣе она наводитъ на представленіе о томъ, что центральный аппаратъ обладаетъ лишь ограниченной чувствительностью къ передаваемымъ нервами раздраженіямъ: для самыхъ слабыхъ раздраженій онъ слишкомъ грубъ, чтобы на нихъ реагировать, для самыхъ сильныхъ обладаетъ только одной предѣльной реакціей, очевидно, исчерпывающей запасъ его специфической энергіи даннаго рода, для остальныхъ же въ немъ имѣются достаточныя внутреннія сопротивленія, чтобы задерживать или разсѣивать энергію раздраженія тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ значительнѣе величина этой энергіи. Тогда исчезаетъ и всякая необходимость принимать непрямую и неуклюже колеблющуюся связь между «психикой» и «физиологіей».

Съ точки зрѣнія современной физиологіи и гистологіи нервного аппарата можно дать такую, чисто энергетическую, картину зависимости между внѣшними раздраженіями и жизнеразностями центрального органа, въ которой найдетъ себѣ мѣсто не только законъ Веберъ-Фехнера, но и всѣ отклоненія отъ него, главныя и второстепенныя. Заранѣе оговариваемся, что въ рамкахъ статьи, ради простоты и ясности, намъ придется сильно схематизировать сложныя гистологическія и физиологическія отношенія; но свѣдущій читатель легко пополнитъ не достающее.

Какъ извѣстно, энергія внѣшняго раздраженія, преобразованная въ концевомъ аппаратѣ нерва въ недостаточно еще изучен-

ную, но чуждую всякаго мистицизма, «телеграфную» форму нервного тока, достигаетъ прежде всего нейроновъ, расположенныхъ въ такъ называемыхъ «низшихъ» центрахъ—ганглиозныхъ, спинно-мозговыхъ, субкортикальныхъ. Эти нейроны связаны, во-1-хъ, со смежными нейронами при посредствѣ соприкасающихся вѣточекъ своихъ дендритовъ (развѣтвленныхъ протоплазматическихъ отростковъ), во-2, съ нейронами высшихъ, кортикальныхъ центровъ при помощи опять-таки «телеграфныхъ» волоконъ проэекціонныхъ системъ (Meunier'a), при чемъ связь эта въ иныхъ случаяхъ прямая, въ иныхъ—косвенная, при посредствѣ еще другихъ «низшихъ» центровъ. Сами же нейроны въ своей основной части—нервной клѣткѣ представляютъ, по современнымъ возрѣніямъ, своеобразные аккумуляторы накопленной нервной энергіи, которую извнѣ притекающая по проводникамъ энергія можетъ разряжать, освобождать, какъ искра разряжаетъ химическую энергію пороха. Теперь сдѣлаемъ одно минимальное и уже а priori наиболѣе вѣроятное предположеніе,—примемъ, что жизнеразность въ клѣткѣ высшихъ центровъ («центровъ сознанія») вызывается именно передачей разряженной собственной энергіи клѣтки спинно-мозговой или субкортикальной, а къ передачѣ энергіи разряжающей, энергіи внѣшняго раздраженія проэекціонные проводники между низшими и высшими центрами неприспособлены, такъ что эта послѣдняя передается только смежнымъ нейронамъ,—и у насъ будетъ почти все, что требуется для объясненія таинственнаго закона.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы не знаемъ той специфической формы, въ которой передается энергія внѣшняго раздраженія отъ нейрона къ нейрону по смежности, но несомнѣнно, что это—энергія кинетическаго характера, и что въ проводникахъ-дендритахъ должно происходить ея разсѣяніе и поглощеніе, вообще—ся растрата. Законъ разсѣянія и поглощенія естественно принять такой, который существуетъ для наиболѣе типичныхъ формъ кинетической энергіи: потеря пропорціональна времени и относительному напряженію энергіи; такъ обстоитъ дѣло, напр., для теплоты при ея разсѣяніи (при не слишкомъ большой разницѣ температуръ тѣла и его среды), для свѣта при его поглощеніи не вполне прозрачною средою, и т. п. 1). Тогда окажется, что

1) Принципы энтропій, а также общій характеръ физиологическихъ процессовъ позволяютъ думать, что разсѣяніе энергіи въ нервныхъ проводникахъ происходитъ исключительно или главнымъ образомъ въ видѣ теплоты.

число затронутыхъ возбужденіемъ нейроновъ приблизительно соотвѣтствуетъ логарифму силы раздраженія. Это легко видѣть на произвольно выбранныхъ числовыхъ примѣрахъ.

Чтобы вызвать разряженіе собственной потенциальной энергіи нейрона, необходима нѣкоторая сумма переданной съ периферіи энергіи, которая соотвѣтствуетъ опредѣленной величины раздраженію; примемъ величину этого раздраженія за 1. Затѣмъ, пусть при передачѣ по каждому дендриту теряется $\frac{1}{2}$ передаваемой энергіи. Тогда для возбужденія одного нейрона съ периферіи достаточно раздраженія 1, но для возбужденія двухъ требуется уже раздраженіе не 2, а 3: на разряженіе перваго нейрона потрачено 1 единица энергіи, а изъ оставшихся 2 единицъ до втораго, смежнаго нейрона дойдетъ только 1 единица (остальная растратится по пути); и эта дошедшая единица энергіи вызоветъ возбужденіе втораго нейрона, но до третьаго смежнаго нейрона уже ничего или почти ничего не дойдетъ. Для возбужденія трехъ нейроновъ нужно раздраженіе 7 (въ первомъ на освобожденіе его потенциальной энергіи тратится 1, до втораго изъ оставшихся 6 доходитъ 3, изъ нихъ опять на разряженіе нейрона тратится 1, третьаго нейрона изъ оставшихся 2 достигаетъ 1, и дальше дѣло не идетъ). Четыре нейрона могутъ быть затронуты лишь при раздраженіи 15, пять при раздраженіи 31, и т. д. Получаются два ряда:

Энергія раздраженія . . . . 1, 3, 7, 15, 31, 63, 127, 255...

Число затронутыхъ по смежности нейроновъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.....

Какъ видимъ, связь обоихъ рядовъ лишь минимально отличается отъ той, которая соотвѣтствуетъ «логарифмическому» отношенію ряда 2, 4, 8, 16, 32... и ряда 1, 2, 3, 4, 5... Каждый изъ низшихъ нейроновъ, передавая по проэкціонному волокну свою освобождающуюся энергію кортикальному нейрону, вызываетъ въ высшихъ центрахъ особую жизнеразность, съ особымъ начальнымъ пунктомъ—этимъ самымъ кортикальнымъ нейрономъ. Тогда оказывается, что каждой такой частной жизнеразности соотвѣтствуетъ минимальное ощущеніе: обнаруживается прямой и полный параллелизмъ жизнеразностей и переживаній. Загадочный характеръ психо-физическаго закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дуалистическое его истолкованіе исчезаетъ.

Въ нашемъ примѣрѣ взять совершенно произвольный коэффициентъ потери энергіи при ея передачѣ между смежными ней-

ронами. Но легко вычислить и действительную его величину, разъ изъ опыта извѣстенъ знаменатель прогрессіи раздраженій число, показывающее во сколько разъ надо увеличить данное раздраженіе, чтобы получить замѣтную разницу въ ощущеніи. Этотъ знаменатель, какъ мы упоминали, для различныхъ «внѣшнихъ чувствъ» различенъ—для осязанія, чувства температуры и для слуха около $1\frac{1}{3}$, для мускульнаго чувства (иннервація глазныхъ мускуловъ) около $1\frac{1}{17}$, для свѣтовыхъ ощущеній около $1\frac{1}{100}$. Коэффициентъ потери при каждой передачѣ окажется тогда для первой группы ощущеній $\frac{1}{4}$, для второй $\frac{1}{18}$, для третьей около $\frac{1}{100} - \frac{1}{101}$. Такое разнообразіе коэффициентовъ должно, повидимому, зависѣть отъ различнаго строенія отдѣльныхъ психическихъ центровъ, ихъ нейроновъ и проводниковъ ¹⁾.

Если теперь, принимая по-прежнему минимальное ошутимое раздраженіе за 1, мы составимъ параллельные ряды величины раздраженія и ощущенія, то для осязанія, напр., получится:

А. Сила раздраженія 1—2,33—4,11—6,48—9,64—13,85—19,45—26,9—36,8—50...

В. Число захваченныхъ низшихъ нейроновъ 1—2—3—4—5—6—7—8—9—10...

(Въ цифрахъ перваго ряда мелкія дроби откинута для краткости.)

Теперь посмотримъ, насколько отношенія этихъ рядовъ соотвѣтствуютъ действительнымъ отношеніямъ «раздраженій» и «ощущеній».

Соотвѣтствіе нарушается, во-1), для самыхъ верхнихъ частей ряда—для самыхъ сильныхъ раздраженій. Тамъ ощущеніе растетъ медленнѣе, чѣмъ слѣдуетъ по формулѣ ряда, и за извѣстнымъ предѣломъ совсѣмъ перестаетъ замѣтно возрастать. Но это расхожденіе чистой формулы съ опытомъ можно было бы предвидѣть уже а priori на основаніи нашихъ предпосылокъ. Отдѣльные нервныя центры обладаютъ ограниченными размѣрами, и число нейроновъ, которые доступны данному виду раздраженія, не безпредѣльно; а кромѣ того нѣкоторые нейроны лежатъ въ сторонѣ отъ обычныхъ путей раздраженія, и оно достигаетъ ихъ съ

¹⁾ Очень возможно, что это различіе въ строеніи и расположеніи нейроновъ не будетъ слишкомъ тонкимъ для методовъ современной гистологии. Тогда изложенная нами точка зрѣнія могла бы послужить исходной точкой изслѣдованія, его «рабочей гипотезой».

большимъ, чѣмъ для другихъ, сопротивленіемъ. При максимальныхъ раздраженіяхъ сначала, вслѣдъ за другими, вводятся въ общую цѣпь реакціи эти труднѣе реагирующіе нейроны—тогда реакція возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ для среднихъ раздраженій. Но затѣмъ, если раздраженіе возрастаетъ еще болѣе, въ специальномъ центрѣ не хватаетъ свободныхъ нейроновъ—и ощущеніе замѣтно не измѣняется.

Средніе члены ряда въ опытѣ также представляютъ отклоненія отъ формулы, но незначительныя и неопредѣленныя—то въ ту, то въ другую сторону. Они, естественно, объясняются во-1), нетождественнымъ строеніемъ отдѣльныхъ нейроновъ—различіемъ въ длинѣ и проводимости путей между ними, во-2), просто погрѣшностями эксперимента, который въ данной области еще не отличается большой точностью.

Наконецъ, нижніе члены ряда: первые два, а можетъ быть и три, надо признать довольно сильно уклоняющимися отъ данныхъ опыта. Въ ряду вычисленныхъ раздраженій первое, минимальное, надо увеличить болѣе чѣмъ вдвое, чтобы получить замѣтную разницу ощущенія; въ дѣйствительности же для этого достаточно увеличить раза въ $1\frac{1}{2}$ или немного болѣе. Какъ объяснить это?—Вопросъ представляется очень простымъ, если принять, что концевые воспринимающіе аппараты нервныхъ волоконъ, какъ для нѣкоторыхъ случаевъ установлено съ полной несомнѣнностью, обладаютъ нѣкоторымъ постояннымъ напряженіемъ энергіи, которое можетъ противодѣйствовать внѣшнему раздраженію. Такъ, напр., по отношенію къ сѣтчаткѣ глаза вполне выяснено, что она обладаетъ слабымъ «собственнымъ свѣтомъ». Извѣстная часть энергіи раздраженія можетъ тратиться на то, чтобы нейтрализовать напряженіе концевого аппарата. Величину этой излишне затрачиваемой энергіи надо прибавить ко всѣмъ членамъ нашего перваго ряда, чтобы получить дѣйствительную энергію раздраженія для минимальнаго возрастанія ощущеній. Пусть эта периферическая потеря энергіи равна 1. Тогда отношеніе рядовъ представится въ такомъ видѣ:

А. 2—3, 33—5, 11—7, 48—10, 65...

В. 1—2—3—4—5...

и это уже вполне достаточно согласуется съ данными опыта ¹⁾.

¹⁾ Такое же полное согласованіе формулы съ опытомъ получится и въ томъ случаѣ, если концевой аппаратъ чувствительнаго нерва принимать за

Хотя, какъ было указано, въ интересахъ изложенія намъ пришлось сильно схематизировать фізіологическія и гистологическія отношенія нервной системы, но знакомый съ дѣломъ читатель, сдѣлавши всѣ надлежащія дополненія, легко увидитъ, что они нисколько не измѣняютъ вывода. А сущность этого вывода такова: исходя изъ данныхъ психо-фізики съ наибольшими основаніями можно принять, что *ощущенія пропорціональны тѣмъ жизнеразностямъ, съ которыми непосредственно связаны.*

Разъ это принято, исчезаютъ всякія основанія для того, чтобы принимать сложную дуалистическую связь вообще между жизнеразностями и соотвѣтственными переживаніями: между тѣми и другими надо признать, въ предѣлахъ количественной оцѣнки, *самую простую зависимость прямой пропорціалности* 1).

С. Монистическая концепція жизни.

I.

Сдѣланные нами выводы о количественной связи жизнеразностей и переживаній представляются намъ очень важными для психо-энергетики, но важными именно въ томъ смыслѣ, что указываютъ, *какъ понимать* психоэнергетику и *какъ пользоваться* ею въ изслѣдованіи, а не въ томъ смыслѣ, что доказываютъ ея законность, ея «истинность». *Принять* психо-энергетику, признать правильность примѣненія энергетическаго метода къ «психическимъ явленіямъ» можно и слѣдуетъ совершенно независимо отъ этихъ нашихъ выводовъ, — даже если считать ихъ необоснованными и невѣрными. Для принципиальнаго принятія психо-энергетики достаточно одного — признанія *постоянной связи* между фізіологическими процессами и переживаніями, какой угодно связи, лишь бы она была вполнѣ опредѣленною и для каждого даннаго случая имѣла одно значеніе.

Эту мысль я тщательно выяснялъ въ своей предыдущей ра-

измѣненный нейронъ, только не имѣющей самостоятельной связи съ высшими центрами. Периферическая чувствующая клѣтка съ ея нейритомъ безъ всякой натяжки можетъ быть признана за такой нейронъ.

1) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изложенныя здѣсь психо-фізическія построения, касающіяся закона Веберъ-Фехнера, были уже высказаны мною, но въ популярной и сравнительно бѣглой формѣ («Основ. элементы историч. взгляда на природу»), С.-Пб., 1899, стр. 245—249).

ботѣ ¹⁾, и потому теперь ограничусь самымъ сжатымъ изложе-
ніемъ тѣхъ основаній, по которымъ она должна быть принята.

Какъ показываетъ анализъ опыта, познаніе повсюду—въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ психическомъ—имѣетъ дѣло съ комплексами *элементовъ*, которые въ физическомъ опытѣ являются элементарными признаками тѣлъ, въ психическомъ—элементарными ощущеніями, но которые и здѣсь и тамъ одинаковы, а различаются только по способу группировки, по формѣ координаціи. Данное «тѣло» въ ряду другихъ тѣлъ есть опредѣленное сочетаніе элементовъ цвѣтовыхъ, иннервационныхъ, тактильныхъ, и т. д.; «воспріятіе» этого тѣла въ ряду другихъ фактовъ сознанія есть сочетаніе тѣхъ же элементовъ; но въ то время какъ соотношеніе тѣла съ другими тѣлами характеризуется объективной закономерностью, связь воспріятія съ другими воспріятіями, представленіями, стремленіями имѣетъ субъективно-ассоціативную форму. Таково различіе *типовъ опыта*; но для познанія, которое дѣлаетъ ихъ своимъ матеріаломъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы повсюду установить объективную закономерность явленій,—этой объективной закономерности оно стремится подчинить («объясняетъ» ея) всякую, «субъективную» связь, всякую частную «ассоціацію» элементовъ опыта. Даже ассоціативная психологія выясняетъ *объективные* законы, управляющіе «субъективными» психическими ассоціаціями, а отнюдь не занимается субъективно-ассоціативнымъ комбинированіемъ фактовъ сознанія. Соотвѣтственно этому основному своему стремленію, познаніе и группируетъ элементы и комплексы опыта не такъ, какъ они выступаютъ въ непосредственномъ, субъективномъ воспріятіи, а такъ, какъ цѣлесообразнѣе съ точки зрѣнія самого познанія, т.-е. установленія объективныхъ закономерностей для системы опыта ²⁾. Оно анализируетъ и разъединяетъ такіе комплексы, которые въ

¹⁾ «Вопросы философіи и психологіи». 1903, 3—4, «Идеаль познанія», стр. 223—230.

²⁾ Въ вышеупомянутой статьѣ „Идеаль познанія“ я сдѣлалъ попытку выяснитъ генезисъ двойственной связи опыта—объективно-физической и субъективно-психической, при чемъ выводъ получился такой: „объективная“ связи опыта—это его *соціальная организованность*, результатъ его коллективной гармонизаціи; связь субъективная—это единство опыта, поскольку онъ *организованъ индивидуально*, результатъ индивидуальной координаціи переживаній. Здѣсь мнѣ нѣтъ возможности останавливаться на этомъ.

непосредственномъ опытѣ представляются нераздѣльными или простыми, какъ напр., свѣтовой лучъ, музыкальный тонъ; оно синтезируетъ и объединяетъ такіе комплексы, которые въ непосредственномъ опытѣ представляются совершенно раздѣльными и различными, какъ напр., лучи свѣта и темные тепловые лучи, молнія и притяженіе легкихъ тѣлъ натертымъ сургучомъ, уголь и алмазь.

Принципъ сохраненія энергіи представляетъ, для нашего времени, конечную и высшую изъ объединяющихъ познавательныхъ группировокъ опыта. Онъ беретъ всѣ явленія съ одной ихъ стороны,—какъ измѣримыя и соизмѣримыя во взаимной смѣнѣ, во взаимныхъ «превращеніяхъ». Чтобы успѣшно выполнить это, онъ отвлекается отъ всякой *данной*, отъ всякой *частной* формы воспріятія. Такъ, движеніе падающаго тѣла есть зрительно-осязательный комплексъ элементовъ; теплота, которая замѣняетъ энергію паденія, когда тѣло задержано твердой поверхностью земли, есть комплексъ специально-тепловыхъ («температурныхъ») элементовъ, не имѣющихъ ничего общаго со зрительно-тактильными элементами предыдущаго явленія; и однако механическая энергія паденія и тепловая энергія послѣдующаго нагрѣванія тѣла и его среды разсматриваются, какъ одна и та же сумма энергіи въ двухъ различныхъ фазахъ ея существованія. При этомъ, если комплексъ слагается изъ двухъ совершенно разнородныхъ, но связанныхъ постоянной зависимостью рядовъ или группъ элементовъ, напр., изъ ряда зрительнаго и ряда тактильнаго, то для познанія это не составляетъ двухъ энергетическихъ величинъ, а только одну: тѣло, взятое какъ комплексъ тактильных элементовъ, и оно же, взятое какъ комплексъ зрительныхъ элементовъ, представляетъ одну и ту же сумму энергіи, а не двѣ различныхъ. Иначе и быть не можетъ уже потому, что способы воспріятія даже у различныхъ людей неодинаковы; напр., одно и то же тѣло, взятое какъ зрительный комплексъ элементовъ, существенно различно даже для близорукаго и дальноворкаго; у дальтониста оно теряетъ изъ своего содержанія цѣлые обширные ряды элементовъ, а у слѣпного совсѣмъ перестаетъ существовать, какъ *зрительная* группировка. Въ то же время благодаря прогрессу научной техники содержаніе комплексовъ обогащается все болѣе и болѣе, новыми рядами элементовъ, напр., тѣми, которые даетъ микроскопическое изслѣдованіе, или, положимъ,

наблюденія надъ тѣломъ въ поляризованномъ свѣтѣ, или подѣ дѣйствіемъ химическихъ лучей, или при значительныхъ измѣненіяхъ температуры, и т. д. Естественно, что познаніе въ своихъ высшихъ обобщеніяхъ не можетъ ставить себя въ зависимость отъ этихъ частныхъ комбинацій элементовъ, и имѣетъ дѣло только съ ихъ отношеніями; ряды элементовъ, связанные *параллелизмомъ* взаимныхъ отношеній, оно каждый разъ объединяетъ въ энергетически единое цѣлое, не считаясь съ тѣмъ, насколько различны эти ряды элементовъ въ воспріятіи.

Совершенно такъ же должно познаніе отнестись и къ психофизиологическому параллелизму, разъ оно его вообще признало; а для признанія такого параллелизма только и требуется постоянная однозначная ¹⁾ зависимость между отношеніями одного и другого ряда, независимо отъ ближайшей формы этой зависимости. Если такая зависимость имѣется, то съ энергетической точки зрѣнія физиологическое явленіе и связанное съ нимъ психическое представляютъ *одну и ту же* величину, одно и то же энергетическое цѣлое, только различными способами воспринимаемое, подобно тому какъ человѣческое тѣло «видимое» (зрительный комплексъ) и «осязаемое» (комплексъ тактильный) энергетически одно и то же, и различается также только по способу воспріятія. Для этого вовсе не требуется никакой математической пропорціональности между комбинаціями элементовъ психического и физиологического ряда, какъ не требуется такой пропорціональности между зрительными и тактильными комбинаціями, чтобы признавать ихъ за одно тѣло ²⁾.

1) Т.-е. имѣющая для каждаго даннаго случая одно опредѣленное значеніе.

2) Поэтому, напр., В. Оствальдъ признаетъ энергетичность „сознанія“, хотя и не видитъ той количественной пропорціональности между энергетикой нервной системы и величинами переживаній, какую мы установили. Для него отношеніе этихъ двухъ областей гораздо сложнѣе, и нельзя сказать, чтобы онъ достаточно ясно его формулировалъ (см. его „Натурфилософію“, главу о сознаніи и т. д.).

Обычное, старое возраженіе противъ энергетичности сознанія таково: признать ее, значило бы встать въ противорѣчіе съ закономъ сохраненія энергіи; присоединяясь къ энергіи физическихъ процессовъ, энергія психическихъ измѣняла бы ея сумму, а эта сумма, согласно принципу вѣчности „механической“ энергіи, неизмѣнна (см. Альб. Ланге, Ал. Риль и др.). Возраженіе это исходитъ изъ *механическаго* пониманія энергіи, и не имѣетъ никакаго значе-

Но мы не ограничиваемся общим признаніемъ энергетичности психическаго опыта, мы нашли, кромѣ того, прямую пропорціональность между жизнеразностями, по ихъ энергетической величинѣ, и переживаніями, по величинѣ ихъ интенсивности, причемъ также и знакъ тѣхъ и другихъ оказывается условно одинаковъ ¹⁾. Этимъ уже устанавливается опредѣленная форма для энергетики переживаній, форма очень широкая и очень общая, которая должна имѣть опредѣленное научное и философское значеніе. Въ чемъ же именно то и другое заключается?

Что касается возможнаго научнаго значенія сдѣланныхъ нами выводовъ, то оно не требуетъ особыхъ поясненій, оно таково же, какъ вообще значеніе всякой обобщающей формулы, сжато резюмирующей связь фактовъ, и такимъ путемъ непосредственно организующей опытъ. Здѣсь можетъ еще возникнуть вопросъ о томъ, пригодна ли данная формула, пока она является гипотетической, пока она не получила рѣшающей провѣрки на фактахъ,—пригодна ли она въ качествѣ исходной точки для дальнѣйшаго изслѣдованія. въ качествѣ «рабочей гипотезы»,—иначе ея значеніе могло бы быть только очень эфемернымъ. Но нетрудно видѣть, что наша формула, имѣя дѣло съ принципиально-измѣримыми отношеніями (энергія нервныхъ процессовъ, интенсивность переживаній) открываетъ самый широкій просторъ попыткамъ экспериментальной провѣрки и детальнаго изслѣдованія, давая для нихъ опредѣленную руководящую нить (хотя бы даже только временную).

Другого рода—вопросъ о философскомъ значеніи формулы. Оно зависитъ всецѣло отъ того, насколько формула находится въ гармоніи со всѣми остальными выводами познанія, насколько органически сливается она съ ними, какъ тождественная или однородная,—словомъ, въ какой мѣрѣ проявляется въ ней та *всеобщая монистическая тенденція*, которая составляетъ философскую душу познанія. Этотъ критерій мы и должны примѣнить къ нашимъ психо-энергетическимъ выводамъ.

нія для пониманія *методологическаго*, которое мы принимаемъ вслѣдъ за Р. Майеромъ, Махомъ, Оствальдомъ и др. Вотъ почему мы сочли излишнимъ останавливаться на этомъ возраженіи.

1) „Условно“—потому, что отъ насъ зависитъ считать въ анализѣ удовольствие за положительную величину и страданіе за отрицательную, а не наоборотъ.

II.

Прежде всего, очевидно, что если существуетъ прямая пропорциональность между жизнеразностями и непосредственными переживаніями, то невозможно представить себѣ ни жизнеразностей безъ соотвѣтственныхъ переживаній, ни наоборотъ, переживаній безъ жизнеразностей: нулевая величина однихъ соотвѣтствуетъ нулевой величинѣ другихъ, конечная величина однихъ конечной величинѣ другихъ. Это, какъ видимъ, опять тотъ же выводъ, къ которому критика психического опыта привела насъ раньше другимъ путемъ—путемъ сопоставленія переживаній и высказываній. Уже тогда для насъ выяснилось, что область переживаній, связанныхъ съ даннымъ организмомъ, нельзя безъ противорѣчій ограничивать сферою психического опыта данной особи; мы видѣли, что за предѣлами психического опыта необходимо принять множество переживаній и ихъ группировокъ, не входящихъ въ основную координацію, а потому и недоступныхъ непосредственному наблюденію, какъ недоступенъ такому же наблюденію психическій опытъ другихъ людей; мы пришли къ мысли, что непосредственныя переживанія должны существовать всюду, гдѣ есть живыя клѣтки и ихъ жизнеразности—всюду, гдѣ есть жизнь «физиологическая». Теперь мы вновь убѣждаемся, что эта идея есть неизбѣжная предпосылка гармонической, свободной отъ противорѣчій концепціи опыта.

Однако, не пришли ли мы къ той философской доктринѣ, которая гласитъ, что физическое и психическое суть «двѣ параллельныя стороны «одной» непознаваемой въ себѣ сущности», или, въ болѣе позитивной вариации, «одной реальности», которая познается именно въ этихъ своихъ «двухъ сторонахъ»? Такова одна изъ формъ «монизма», еще очень распространенная въ наше время. Но мы никакъ не можемъ остановиться на такой точкѣ зрѣнія, не можемъ хотя бы потому, что считаемъ ее вовсе не монистической, а *дуалистической*. Объединеніе двухъ «сторонъ», а съ ними двухъ методовъ познанія въ одномъ *словѣ* «реальность» вовсе не кажется намъ дѣйствительнымъ объединеніемъ; два метода познанія съ нашей точки зрѣнія могутъ означать только дуалистическое познаніе, а двѣ «параллельныя стороны»—только плохую геометрическую метафору. Рѣшенія занимающаго насъ вопроса тутъ еще нѣтъ, а есть въ лучшемъ

случаѣ только его постановка; но и она не особенно удачна, такъ какъ при анализѣ опыта «сторонъ» оказывается не двѣ, а больше.

Поставимъ себѣ такой вопросъ: что есть «живое существо», напр., «человѣкъ»? и постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи съ одной стороны, данныхъ опыта, съ другой стороны, тѣхъ обобщающихъ положеній (о связи жизнеразностей съ переживаніями), къ которымъ мы до сихъ поръ пришли.

«Живое существо», напр., «человѣкъ» это, прежде всего, опредѣленный комплексъ «непосредственныхъ переживаній», частью входящихъ въ одну основную координацію — «психическій опытъ», частью, какъ мы признали, въ нее прямо не входящихъ, но находящихся въ нѣкоторой (пока еще не получившей ближайшаго опредѣленія) связи съ этой координаціей. Таковъ «человѣкъ» въ его «непосредственномъ существованіи», такъ сказать, «человѣкъ *an sich*». Но не такимъ является онъ въ опытѣ *другого*.

Для другого «живого существа» человѣкъ выступаетъ, прежде всего, какъ *воспріятіе* въ ряду другихъ воспріятій, какъ опредѣленный зрительно-тактильно-акустическій комплексъ въ ряду другихъ комплексовъ. Этотъ комплексъ возникаетъ и исчезаетъ и вновь появляется въ такой же связи, какъ другія «воспріятія»; иногда онъ воспроизводится въ нѣсколько иной связи и съ иной окраской, какъ «представленіе». Таковъ *первоначальный психическій образъ* человѣка въ опытѣ другого человѣка.

Аналогичный, но во многихъ частностяхъ отличающійся комплексъ представляетъ человѣкъ и для самого себя, поскольку онъ «воспринимаетъ» свое «тѣло» при помощи зрѣнія, слуха, осязанія и т. д., какъ «воспринимаютъ» это «тѣло» другіе люди.

Затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи опыта, «человѣкъ» оказывается для себя и для другихъ физическимъ тѣломъ въ ряду другихъ физическихъ тѣлъ. Это тѣло связано съ остальными тѣлами и вообще со всѣмъ «физическимъ міромъ» опредѣленной *объективной закономерностью*; оно при опредѣленныхъ условіяхъ возникаетъ, нѣкоторое время непрерывно существуетъ, подвергается опредѣленному, объективно обусловленному, циклу измѣненій, и, наконецъ, завершаетъ этотъ цикл тѣмъ, что разрушается. Это также комплексъ зрительныхъ, тактильных и про-

чихъ элементовъ, очень сходный съ двумя предыдущими фазами, вполне «параллельный» имъ по выраженію Маха, но выступающій въ иной связи опыта: человѣкъ, какъ объективный физиологическій процессъ.

Наконецъ, благодаря тому, что люди взаимно «понимаютъ» другъ друга въ своихъ «высказываніяхъ», человѣкъ и для другихъ становится координаціей непосредственныхъ переживаній «психическимъ процессомъ». Такое представленіе, присоединяясь къ предыдущему, составляетъ съ нимъ вмѣстѣ обычный дуалистическій образъ человѣка, при чемъ дѣло довершается «интроакціей»: переживанія вкладываются въ физиологическій организмъ, и получается наиболѣе распространенное, вульгарно-синтетическое представленіе «человѣка». Человѣкъ является тогда себѣ и другимъ людямъ, какъ сочетаніе «тѣла» и находящейся внутри его «души», сочетаніе по меньшей мѣрѣ не особенно гармоничное.

Таковъ рядъ различныхъ понятій о «человѣкѣ», съ которыми имѣетъ дѣло познаніе. Возникаетъ задача,—оставаясь всецѣло на почвѣ опыта, свести всѣ эти понятія къ познавательному единству. Другими словами, надо свести ихъ взаимную связь къ простѣйшимъ, постояннымъ и всеобщимъ отношеніямъ опыта. Такъ долженъ быть поставленъ вопросъ съ точки зрѣнія эмпириомонизма.

Исходной точкой изслѣдованія для насъ естественно принять первое изъ указанныхъ понятій—«человѣкъ», какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, или, говоря общѣе, «жизнь» въ ея непосредственномъ осуществленіи. Каждое отдѣльное переживаніе есть уже болѣе или менѣе сложная группировка элементовъ опыта, на которые оно и можетъ быть разложено; жизненный процессъ есть организованное единство цѣлаго ряда такихъ группировокъ, взаимно связанныхъ то въ болѣе, то въ менѣе прочныя и устойчивыя координаціи. Развѣтіе жизни, при такомъ ея пониманіи, представляется какъ прогрессивная организациа элементовъ опыта во все болѣе широкія и стройныя единства.

Этотъ организующій процессъ на различныхъ его стадіяхъ образуетъ жизненные комплексы самыхъ различныхъ типовъ строенія, различные по количеству элементовъ и по степени гармоничности ихъ объединенія. Но для познанія, монистически

организующаго опытъ, между всѣми комплексами немислимы *принципіальныя* различія, различія *по существу*, и отношенія между ними не могутъ быть *принципіально иныя*, чѣмъ между всякими вообще комплексами опыта. Такимъ образомъ, жизненные комплексы, комплексы переживаній взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, прямо или косвенно,—взаимно измѣняютъ другъ друга, взаимно *отражаются* одинъ въ другомъ, совершенно аналогично тому, какъ всякія комбинаціи элементовъ, съ которыми имѣетъ дѣло познаніе.

Но какъ вообще «отражаются» одни въ другихъ комплексы опыта? При всемъ разнообразіи этихъ отношеній, они существенно сходны для всей области опыта, какъ «физическаго», такъ и «психическаго»—и легко обобщаются въ одной формулѣ. Что касается міра «физическаго», то мы, напр., знаемъ, какъ «отражается» форма предметовъ въ физико-химическомъ строеніи свѣточувствительной пластинки фотографическаго аппарата, какъ «отражаются» колебанія воздушнаго давленія въ движеніяхъ стрѣлки анероида, измѣненія естественной среды растительнаго или животнаго организма—въ измѣненіяхъ структуры его тканей и органовъ и т. д. Совершенно аналогичнымъ образомъ происходитъ дѣло и съ «психическими» комплексами. Возникшій въ психикѣ образъ съ особенно сильной аффекціоной окраской удовольствія или страданія «отражается» во всѣхъ другихъ образахъ, встрѣчающихся съ нимъ въ полѣ сознанія, налагая на нихъ свой отпечатокъ, дѣлая ихъ яркими, живыми, свѣтлыми или наоборотъ, тусклыми, блѣдными, мрачными. Новая идея, возникшая въ сознаніи, «отражается» обыкновенно во многихъ частныхъ представленіяхъ, вступающихъ въ связь съ нею. Такъ, съ того момента какъ человѣкъ усвоилъ себѣ общее представленіе о строеніи и функціяхъ живыхъ организмовъ, измѣняются шагъ за шагомъ всѣ его частныя представленія о томъ или другомъ человѣкѣ, животномъ, растеніи, которые вступали въ поле его опыта: общая біологическая идея «отражается» во всѣхъ нихъ, усложняя и обогащая ихъ содержаніе новыми отношеніями и элементами. Новая философская концепція, проникшая въ міровоззрѣніе человѣка, можетъ «отразиться» во всѣхъ частныхъ комбинаціяхъ, изъ которыхъ слагается это міровоззрѣніе; напр.; монистическая идея существенно преобразуетъ строеніе всѣхъ образовъ сознанія, сформированныхъ раньше по дуалистическому.

типу, сглаживая рѣзкія границы, создавая между группировками такіе переходы и связи, которыхъ раньше не было.

Подобныхъ иллюстрацій можно было бы привести бесконечное множество, но и приведенныхъ вполне достаточно, чтобы вывести общую формулировку, которая должна быть приблизительно такова:

комплексъ *A*, прямо или косвенно отражаясь въ комплексѣ *B*, воспроизводится въ немъ не въ своемъ непосредственномъ видѣ, но въ видѣ опредѣленнаго ряда измѣненій этого второго комплекса, измѣненій, связанныхъ съ содержаніемъ и строеніемъ перваго комплекса функциональной зависимостью.

Очевидно, что эта формула выражаетъ всѣ случаи *взаимнаго вліянія* («взаимодѣйствія») комплексовъ опыта. Въ своихъ различныхъ модификаціяхъ она соотвѣтствуетъ различнымъ исторически развивавшимся формамъ пониманія «причинности» явленій ¹⁾. И эта формула является также вполне достаточной, чтобы монистически выразить связь различныхъ «параллельныхъ сторонъ» жизни, или, что то же, «объяснить» ихъ параллелизмъ.

Первое понятіе «жизни», то, къ которому привела насъ критика психического опыта, какъ мы указали, сводится къ слѣдующему. Жизненный процессъ, взятый въ его непосредственномъ содержаніи («жизнь *an sich*») есть комплексъ переживаній, въ различной мѣрѣ объединяемыхъ организующей связью въ одно цѣлое. Комплексъ этотъ можетъ прямо или косвенно «отражаться» въ другихъ аналогичныхъ комплексахъ; но, согласно всеобщей формулѣ отношеній опыта, онъ «отражается» въ нихъ не какъ таковой, не въ своемъ непосредственномъ видѣ, а въ видѣ такого или иного ряда измѣненій этихъ комплексовъ, въ видѣ входящей въ нихъ новой группировки элементовъ, усложняющей ихъ «внутреннія» отношенія. *Эта новая группировка и есть «воспріятіе» даннаго жизненнаго процесса въ другомъ подобномъ процессѣ*, напр., воспріятіе «человѣка» (какъ организма),

¹⁾ Объ этихъ историческихъ формахъ, см., напр., Оствальда «Философія природы». — Терминъ «отраженіе» мы примѣняемъ здѣсь исключительно въ виду его наглядности. Пользуясь выраженіемъ болѣе точнымъ, мы должны были бы говорить о «результатахъ вліянія одного комплекса на другой», и ихъ функциональной зависимости отъ содержанія «вліяющаго» комплекса; это было бы и очень отвлечено, и очень тяжеловѣсно.

выступающее въ ряду переживаній другого человѣка. Это «воспріятіе», какъ всякое вообще «отраженіе», отнюдь не есть прямая копія «отражаемаго», но связано съ нимъ лишь опредѣленной, въ различныхъ случаяхъ различной, *функциональной зависимости*. И, какъ мы знаемъ, такая функциональная зависимость между переживаніями одного живого существа, и воспріятіемъ этого существа въ опытѣ другого имѣется въ дѣйствительности; на ней основано всякое общеніе живыхъ существъ.

Здѣсь очень важно еще одно обстоятельство. Взаимодѣйствіе «живыхъ существъ» не совершается прямо и непосредственно; переживанія одного не лежатъ въ полѣ опыта другого. Одинъ жизненный процессъ «отражается» въ другомъ лишь косвенно, а именно при посредствѣ «среды». Но что такое «среда»?

Понятіе это имѣетъ смыслъ только въ противопоставленіи тому, что имѣетъ свою «среду», т.-е. въ данномъ случаѣ—жизненному процессу. Если мы рассматриваемъ жизненный процессъ, какъ комплексъ непосредственныхъ переживаній, то «среда» будетъ все, что не входитъ въ этотъ комплексъ. Если же это та «среда», при посредствѣ которой одни жизненные процессы «отражаются» въ другихъ, то она должна представлять изъ себя совокупность элементовъ, не входящихъ въ организованные комплексы переживаній—совокупность неорганизованныхъ элементовъ, хаосъ элементовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Это то, что въ воспріятіи и въ познаніи выступаетъ для насъ, какъ «неорганическій міръ».

Тутъ надо устранить возможные недоразумѣнія. Въ *нашемъ опытѣ* неорганическій міръ не есть хаосъ элементовъ, а рядъ опредѣленныхъ пространственно-временныхъ группировокъ; въ *нашемъ познаніи* онъ превращается даже въ стройную систему, объединенную непрерывной закономерностью отношеній. Но «въ опытѣ» и «въ познаніи», это значитъ—въ чьихъ-либо *переживаніяхъ*; единство и стройность, непрерывность и закономерность принадлежатъ именно переживаніямъ, какъ организованнымъ комплексамъ элементовъ; взятый независимо отъ этой организованности, взятый «an sich», неорганическій міръ есть именно хаосъ элементовъ, полное безразличіе. Это отнюдь не метафизика; это только выраженіе того факта, что неорганическій міръ не есть жизнь, и той основной монистической идеи, что неорганическій міръ отличается отъ живой природы не своимъ

материаломъ (тѣ же «элементы», что и элементы опыта), а своей неорганизованностью.

Если неорганизованная «среда» является промежуточнымъ звеномъ во взаимодействіи жизненныхъ процессовъ, если при посредствѣ ея комплексы переживаній «отражаются» одинъ въ другомъ, то не представляетъ ничего новаго и страннаго тотъ фактъ, что при посредствѣ ея же данный жизненный комплексъ «отражается» и въ себѣ самомъ. Комплексъ *A*, воздѣйствуя на комплексъ *B*, можетъ при посредствѣ его оказать вліяніе на комплексъ *C*,—но также и на комплексъ *A*, т.-е. на самого себя. Такъ, на сѣтчкѣ глаза, при посредствѣ свѣтовой среды, получается не только изображенія другихъ предметовъ, наприм., чужого глаза, но также, при опредѣленной комбинаціи условій, изображеніе этого самаго глаза; живой организмъ, измѣняя свою жизненную среду, косвенно измѣняетъ себя самого, такъ какъ эта измѣненная среда въ свою очередь воздѣйствуетъ на него. Съ этой точки зрѣнія совершенно понятно, что живое существо можетъ имѣть «внѣшнее воспріятіе» себя самого, можетъ видѣть, осязать, слышать себя, и т. д., т.-е. можетъ въ ряду своихъ переживаній находить такія, которыя представляютъ косвенное (при посредствѣ «среды») отраженіе этого же самаго ряда. Естественно также, что это «воспріятіе» окажется въ значительной мѣрѣ сходно съ «воспріятіемъ» даннаго жизненнаго процесса другими аналогично-организованными живыми существами. Но отчасти также будетъ отъ него отличаться, въ силу не вполне одинаковыхъ отношеній къ «средѣ», составляющей промежуточное звено между жизненнымъ процессамъ и его «воспріятіемъ». Напр., зрительное воспріятіе лица *A* у него самого во многомъ не такое, какъ у другихъ окружающихъ его людей—*B*, *C* и т. д.; но это различіе того же порядка, какъ различіе воспріятія *A* въ психикѣ другого лица *B* въ зависимости отъ разстоянія, взаимнаго положенія того и другого, отъ освѣщенія, отъ мѣста, занимаемаго разными предметами среды, и пр. Словомъ, отношеніе «жизни» и ея «внѣшняго воспріятія» и здѣсь ничѣмъ принципиально не отличается отъ обычныхъ отношеній между какимъ-либо комплексомъ опыта и его «отраженіемъ».

Остается, наконецъ, еще одна и послѣдняя изъ основныхъ фазъ пониманія «жизни»—ея *объективная* концепція: жизнь, какъ объективно-закономѣрный процессъ въ ряду другихъ про-

цессовъ объективнаго, «физическаго» міра. Съ точки зрѣнія индивидуалистической психологіи, эта фаза всецѣло выводится изъ ассоціацій личнаго опыта: координируя свои воспріятія и представленія, психика вырабатываетъ для нихъ пространственно-временной порядокъ; тѣсно объединяя въ этой системѣ воспріятія и представленія, взаимно сходныя по элементамъ, строенію и по отношеніямъ съ другими комплексами, психика образуетъ изъ нихъ «тѣла» и «процессы» объективнаго міра.

Такъ, съ этой точки зрѣнія, объективно-существующее «тѣло» человѣка является, въ опытѣ его самого и каждаго изъ другихъ людей, результатомъ простой индивидуальной координаціи (въ пространственно-временномъ порядкѣ) различныхъ «воспріятій» этого «тѣла» въ данной психикѣ. — Но для насъ такое пониманіе дѣла представляется весьма недостаточнымъ.

Рамки статьи не позволяютъ намъ систематически, со всей надлежащей аргументаціей излагать здѣсь наши воззрѣнія по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что это въ значительной мѣрѣ выполнено въ предыдущей нашей работѣ ¹⁾; мы ограничимся тѣмъ, что сжато резюмируемъ свою точку зрѣнія. — Она такова. Характеристикой «физическаго» міра со всѣми его «тѣлами» или «процессами» является его «объективность», т.-е. общезначимость. Принимая «объективный» опытъ съ его связью и закономерностью, человѣкъ принимаетъ тѣмъ самымъ, что этотъ опытъ, эта связь и закономерность не только для него и въ данное время, но для всякаго познающаго существа и во всякое время имѣютъ одинаковое познавательное значеніе. Но такое отношеніе къ опыту не можетъ сложиться исключительно на почвѣ опыта индивидуальнаго; оно является результатомъ взаимнаго пониманія живыхъ существъ въ ихъ высказываніяхъ и взаимнаго согласованія, взаимной гармонизаціи «высказываемыхъ» переживаній; словомъ, оно возникаетъ путемъ коллективной организаціи опыта.

Всего легче и яснѣе это можно показать на всеобщихъ формахъ «объективности» опыта, каковы «чистое» или «арифметическое» время, «чистое» или «геометрическое» пространство, и причинность. Арифметическое время и геометрическое простран-

1) «Вопросы философіи и психологіи», 1903 г., 3-4, «Идеаль познанія» (Эмпириокритицизмъ и эмпириомонизмъ).

ство характеризуются своей полной *однородностью, непрерывностью и безграничностью*; для всѣхъ этихъ основныхъ чертъ нѣтъ почвы въ индивидуальномъ опытѣ, въ которомъ вырабатывается только «физиологическое» время и «физиологическое» пространство, неоднородныя въ своихъ частяхъ, лишенныя непрерывности и конечныя по своей величинѣ ¹⁾. Точно также въ индивидуальномъ опытѣ нѣтъ почвы для всеобщихъ объективныхъ отношеній причинности, а могутъ сложиться только *привычныя отношенія послѣдовательности явленій*, отношенія частнаго характера ²⁾.

1) Такъ, физиологическое время течетъ то медленно, то быстро, и совершенно невѣрно представленіе большинства психологовъ о томъ, что будто бы простое наблюденіе періодичности естественныхъ процессовъ, напр., движенія солнца, достаточно, чтобы создать идею равномернаго теченія времени. Периодичные процессы природы въ воспріятіи дикаря идутъ также неравномерно: когда онъ доволенъ, солнце движется быстро, все вокругъ происходитъ въ болѣе живомъ темпѣ, когда ему скучно—солнце движется медленно, и все окружающее замедляетъ свой темпъ. И это вполне понятно для дикаря: вѣдь онъ анимистъ, и представляетъ всю природу по образу и подобию себя самого; онъ знаетъ, что онъ ходитъ иногда быстро, иногда медленно, въ зависимости отъ настроенія; и солнце, съ его точки зрѣнія, также мѣняетъ въ зависимости отъ настроенія свою небесную походку. Только высказыванья другихъ людей, для которыхъ нерѣдко время течетъ быстро тогда, когда для него медленно, и наоборотъ, только эти высказыванья ведутъ къ выработкѣ идеи однороднаго времени.

Что касается пространства, то въ личномъ опытѣ верхъ и низъ постоянно неоднородны, всѣ тѣла мѣняютъ свои свойства и характеръ движенія въ зависимости отъ того, приходится ли направлять кверху или къ низу ихъ движеніе. Только такой познній результатъ коллективнаго опыта, какъ представленіе о шарообразности земли и о паденіи тѣлъ къ ея центру, даетъ возможность принять принципиальную однородность всѣхъ направленийъ пространства; а для тѣхъ людей прошлаго, которые думали, что антиподы невозможны, потому что нельзя людямъ ходить вверхъ ногами, пространство очевидно не было однороднымъ.

О безконечности времени и пространства въ индивидуальномъ опытѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

2) Въ этомъ заключается корень разногласія между Юмомъ, не признававшимъ объективнаго характера причинныхъ связей, а видѣвшимъ въ нихъ только привычныя послѣдовательности опыта, и Кантомъ, для котораго причинность была одной изъ общезначимыхъ категорій. Тотъ и другой стояли на почвѣ индивидуальнаго опыта, разрѣшить же вопросъ можно только съ социальнo-генетической точки зрѣнія.

Мы уже упоминали о томъ, что „категорія“ причинности развилась въ

Такимъ образомъ формы «объективности» опыта суть формы его социальной координаціи, а «объективный опытъ», вообще, опытъ социально-организованный ¹⁾. Всякія «объективно существующія» тѣла и процессы являются продуктомъ социального согласованія воспріятій и представлений, «переживаемыхъ» отдѣльными людьми и «выражаемыхъ» высказываніями. Таковы и «живыя тѣла», и физиологическіе процессы, то, что называется «физической стороной» жизни. Какъ видимъ, тутъ нѣтъ никакой особой «стороны» жизненнаго процесса, а только особый типъ группировки того же матеріала, какой имѣется въ предыдущихъ двухъ фазахъ понятія жизни (жизнь во «внѣшнемъ воспріятіи» различныхъ живыхъ существъ и, конечно, въ соответствующемъ ихъ «представленіи»). Это—результатъ коллективной гармонизаціи тѣхъ безчисленныхъ «отраженій», которыя порождаютъ одни жизненные комплексы въ другихъ.

Благодаря этой гармонизаціи достигается то, что «объективное» представленіе жизни (какъ физиологическаго процесса) все въ большей мѣрѣ начинаетъ соответствовать ея дѣйствительному, *непосредственному* содержанію. Психо-энергетика впервые создаетъ настоящій *познавательный параллелизмъ* между жизнью, какъ комплексомъ переживаній, и ея отраженіемъ въ социально-организованномъ опытѣ ²⁾. Въ то же время отношеніе между жизнью въ ея непосредственномъ содержаніи и между жизнью, объективированной для познанія оказывается принципиально то же что между какимъ бы то ни было комплексомъ опыта и его от-

---

значительной мѣрѣ на памяти исторіи. Теперь мы отмѣтимъ, что въ своей новѣйшей фазѣ («энергетическая» причинность) она пріобрѣтаетъ тотъ характеръ однородности отношеній между явленіями опыта, который раньше выработался въ «объективныхъ» формахъ пространства у времени. Что касается до *непрерывности* и *бесконечности*, то эти черты были уже давно общи причинному ряду съ временнымъ и пространственнымъ.

1) Хотя бы «опытъ» былъ по содержанію въ отдѣльномъ случаѣ еще только индивидуальнымъ, онъ есть опытъ социально-организованный или объективный, если вполнѣ укладывается въ формы «объективности» опыта, въ формы его социального согласованія. См. вышеупомянутую статью.

2) Намъ нѣтъ надобности останавливаться на обычныхъ «психо-физическихъ», всегда, въ сущности, дуалистическихъ представленіяхъ о жизни (жизнь, какъ совокупность параллельныхъ или непараллельныхъ рядовъ психическаго опыта и физиологическихъ процессовъ). Это исторически необходимая и проходящая комбинація.

раженіемъ въ другомъ комплексѣ. Тутъ не остается мѣста никакому дуализму. Это точка зрѣнія *эмпириомонизма*.

III.

Та элементарно-простая и понятная концепція жизни, которую мы приняли, неминусомъ должна встрѣтить рядъ возраженій, съ которыми мы и должны, по мѣрѣ возможности, считаться заранѣе. Мы не обязаны, конечно, принимать во вниманіе тѣ безчисленные недоумѣнія и противорѣчія, которыя будутъ исходить изъ привычныхъ дуалистическихъ концепцій, или изъ метафизическихъ основаній: первая потому, что дѣло идетъ какъ разъ объ устраненіи всякаго дуализма, вторая—потому что наша задача отнюдь не выходитъ за предѣлы гармонизаціи существующаго опыта, и, слѣдовательно, не имѣетъ къ мет-эмпирии никакого отношенія. Но возможны и такія возраженія, которыя будутъ стоять всецѣло на эмпирической почвѣ; легко предвидѣть тѣ изъ нихъ, которыя должны представляться наиболѣе очевидными и естественными.

Прежде всего, можетъ показаться страннымъ, до какой степени велико въ нашей концепціи несходство между «отраженіемъ» и «отражаемымъ». Если «воспріятіе» живого существа *A* въ сознаніи другого существа *B* есть отраженіе всего комплекса переживаній *A* въ комплексѣ *B*, то это, какъ будто, слишкомъ ужъ незначительное и непохожее отраженіе: колоссальный комплекс переживаній, охватывающій цѣлый міръ индивидуальнаго опыта, съ одной стороны, и незначительная зрительно-тактильно-акустическая комбинація элементовъ, съ другой: что здѣсь общаго? Отвѣтить легко: общаго здѣсь то, что всегда имѣется общаго между «отражаемымъ» и «отраженіемъ», насколько извѣстна намъ связь опыта; это общее — функциональная зависимость «отраженія» и «отражаемаго». Зависимость эта достаточно опредѣленна и полна, чтобы существо *B*, на основаніи своего воспріятія *A*, могло «понимать» *A*, т.-е. представлять себѣ, съ приближительной вѣрностью, его непосредственныя переживанія и ихъ измѣненія, нерѣдко даже очень незначительная. Иного «сходства» мы и ожидать не можемъ. Какое «сходство» между перемѣной погоды, и между движеніемъ ртутныхъ столбиковъ барометра и термометра? Между тѣмъ, для метеоролога это до-

статочно ясны «отраженія». И притомъ, здѣсь еще скорѣе можно было бы ожидать нѣкотораго непосредственнаго сходства между отражаемымъ и отраженіемъ, потому что дѣло идетъ о вліяніи одного *неорганизованнаго* комплекса элементовъ—атмосфера—на другой, также *неорганизованный*—ртутный столбикъ: неорганизованные комплексы должны «отражать» другъ друга съ наименьшимъ, такъ сказать, сопротивленіемъ.—Напротивъ, комплексы организованные, т.-е. стройные, устойчивые, сохраняшіеся подъ различными вліяніями, должны «отражать» эти вліянія въ наиболѣе «измѣненномъ» видѣ. Сложившаяся организація жизни отнюдь не простое зеркало для ея среды.

Но, скажетъ читатель, даже для чисто функціональной зависимости тутъ дано слишкомъ мало. Человѣкъ живетъ, положимъ, страшно интенсивной жизнью; за самое короткое время его психика испытываетъ цѣлые перевороты, вся дѣятельность сознанія мѣняетъ свое направленіе и характеръ, а «воспріятіе» этого человѣка, т.-е. отраженіе его переживаній въ психикѣ другого, остается приблизительно такимъ же, какъ и прежде. Отчего оно не мѣняется столь же радикально, какъ и то, чего «отраженіемъ» оно является?

Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи. Тотъ организованный комплекс переживаній, который составляетъ данное «существо», вовсе не подвергается *въ своемъ цѣломъ* такимъ «переворотамъ», какіе происходятъ въ сферѣ «сознанія», не подвергается никогда, кромѣ развѣ случая дезорганизаціи, то-есть смерти. Въ предыдущемъ было достаточно выяснено, что дѣйствительная сумма переживаній, соответствующая данному физиологическому организму, неизмѣримо шире того, что въ данный моментъ имѣется въ полѣ сознанія. Даже область собственно «психического опыта», считая въ ней всю совокупность переживаній, сохраняющихся въ сферѣ «памяти» и возобновляющихся въ сознаніи при наличности извѣстныхъ условій, даже эта область почти безконечно превосходитъ по своимъ размѣрамъ всякое данное поле сознанія: въ этомъ полѣ выступаютъ главнымъ образомъ, текуція жизненно-важныя измѣненія въ системѣ психического опыта. Съ какой бы быстротой и интенсивностью ни совершалась работа сознанія, она не можетъ внести большихъ перемѣнъ въ самую обширную область опыта—область прошлаго, и въ самыя главныя его группировки—общія формы

координаціи, выработанныя этимъ прошлымъ опытомъ.—Но и вся сфера психическаго опыта составляетъ только часть и, можно думать, незначительную часть той суммы переживаній, которая въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ данному «организму»: психическій опытъ есть только главная координація этихъ переживаній; но кромѣ нея, какъ мы видѣли, существуетъ еще множество побочныхъ, находящихся съ ней въ связи, и въ то же время относительно независимыхъ координацій, болѣе узкихъ и менѣе организованныхъ; всякой живой клѣткѣ соотвѣтствуетъ, съ нашей точки зрѣнія, нѣкоторый, хотя бы незначительный комплексъ переживаній, и эти безчисленные комплексы лишь въ ничтожномъ меньшинствѣ случаевъ попадаютъ въ сферу непосредственнаго психическаго опыта. Такое живое существо, какъ человѣкъ—это цѣлый міръ переживаній, и всѣ «перевороты», происходящіе въ сознаніи, преобразуютъ каждый разъ лишь ничтожную часть этого міра. Поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что и «внѣшнее воспріятіе», которое является «отраженіемъ» этого міра въ другомъ подобномъ мірѣ, лишь незначительно измѣняется при кажущихся переворотахъ психики ¹⁾. И все же оно измѣняется настолько, что въ большинствѣ случаевъ достаточно «выражаетъ» подобные перевороты, и наче они не могли бы быть замѣчены и поняты другими живыми существами при помощи высказываній.

Но простое «воспріятіе» одного живого существа въ опытѣ другого (или его самого) есть только низшая фаза «отраженія» жизненнаго комплекса въ другихъ такихъ комплексахъ (или въ немъ самомъ). На дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія изъ такихъ «воспріятій» создаются «тѣла» и «процессы» объективнаго міра. Это происходитъ путемъ накопленія индивидуальнаго опыта—съ одной стороны, и путемъ соціальнаго общенія—съ другой. Въ личномъ опытѣ однородныя воспріятія и представленія объединяются въ прочные комплексы; взаимная передача переживаній при обмѣнѣ особей высказываніями ведетъ къ тому, что однородные комплексы, сложившіеся въ опытѣ различныхъ особей,

¹⁾ Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія вполне мыслимо двойственное сознаніе при одномъ «физиологическомъ организмѣ»: оно означало бы лишь частичную дезорганизацію въ сферѣ психическаго опыта, т.-е. опять-таки въ одной частной области даннаго комплекса переживаній—«живого существа».

взаимно дополняются и гармонизируются, приобретая характеръ общезначимости или объективности, становясь комплексами социальнo-организованнаго опыта. Такъ получаются «физическія тѣла» и «процессы». Въ ряду ихъ выступаютъ и «живые организмы», объективныя физиологическія координаціи — отраженіе индивидуальной жизни въ социальнo-организующемся опытѣ, отраженіе неизмѣримо болѣе сложное и полное, чѣмъ отдѣльное «воспріятіе» живого организма въ опытѣ другого.

Непрерывно расширяющійся коллективный опытъ, принимающій въ жизни культурнаго человѣчества форму опыта научнаго, основаннаго на планомѣрномъ изслѣдованіи, вноситъ все новыя и новыя черты въ понятіе о физиологическомъ процессѣ, обогащаетъ представленіе объ организмѣ новыми и новыми элементами. Въ результатѣ—«отраженіе» начинаетъ все точнѣе соответствовать «отражаемому», функціональная связь того и другого становится все болѣе прямой и отчетливой. Имѣя передъ собою тѣ или иныя «непосредственныя переживанія», люди сознательно ищутъ прямо соответствующихъ имъ физиологическихъ процессовъ, и наоборотъ. При этомъ всѣ различныя степени и формы организациі непосредственныхъ переживаній находятъ себѣ объективное отраженіе въ различныхъ степеняхъ и формахъ организациі физиологической. Это *психо-физиологическій параллелизмъ жизни*, но не въ дуалистическомъ, а въ строго монистическомъ его значеніи: параллелизмъ не двухъ атрибутовъ одной субстанціи, не двухъ сторонъ одной реальности, а параллелизмъ отражаемаго съ его отраженіемъ, такой же, какой наблюдается при взаимодействіи всѣхъ возможныхъ комплексовъ опыта, когда одни комплексы «отражаются» въ другихъ и обратно.

Путь, которымъ мы пришли къ принятой нами точкѣ зрѣнія, въ основныхъ чертахъ таковъ. Вслѣдъ за большинствомъ современныхъ психологовъ, мы признали, какъ фактъ, психо-физиологическій параллелизмъ жизни, или, говоря общѣе, функціональную зависимость между жизнью физиологической и непосредственными переживаніями. Объясненія этой связи мы считали возможнымъ искать только въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ опыта, не пытаясь выйти за его предѣлы. Въ опытѣ параллелизмъ или однозначущая функціональная зависимость выступаетъ, какъ постоянное отношеніе, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ «от-

раженіи» одного комплекса въ другомъ или, выражаясь точнѣе и отвлеченнѣе, о результатахъ вліянія одного комплекса на другой. Конечно, параллельны не только «отраженіе» съ «отражаемымъ», но также и два «отраженія» одного и того же третьяго; однако, такъ какъ въ опытѣ мы не находимъ ничего третьяго, «отраженіемъ» чего могли бы быть одновременно и физиологическій процессъ, и потокъ непосредственныхъ переживаній, а за предѣлы опыта мы не умѣли и не желали выходить, то мы должны были принять, что изъ двухъ послѣднихъ одно является «отражаемымъ», а другое «отраженіемъ». Но такъ какъ исторія психическаго развитія показываетъ, что объективный опытъ съ его непрерывной связью и стройной закономерностью есть результатъ долгаго развитія, и лишь шагъ за шагомъ кристаллизуется изъ потока непосредственныхъ переживаній, то намъ оставалось только принять, что *объективный* физиологическій процессъ есть «отраженіе» комплекса непосредственныхъ переживаній, а не наоборотъ. Дальше оставался вопросъ: если «отраженіе», то въ чемъ же именно? Отвѣтъ мы дали сообразно съ принятой нами соціально-монистической концепціей опыта. Признавая общезначимость объективнаго опыта за выраженіе его соціальной организованности, мы пришли къ слѣдующему эмпириомонистическому выводу: жизнь физиологическая есть результатъ коллективной гармонизаціи «внѣшнихъ воспріятій» живого организма, изъ которыхъ каждое является отраженіемъ одного комплекса переживаній въ другомъ (или въ немъ самомъ). Другими словами: *физиологическая жизнь есть отраженіе жизни непосредственной въ соціально-организованномъ опытѣ живыхъ существъ.*

А. Богдановъ.
